Разсказы о войнѣ

Составилъ

Ф. Н. Ратникъ

1916

Въ Центральномъ Книжномъ Складѣ
„СЕЛЬСКАГО ВѢСТНИКА“

(Петроградъ, Мойка, 32) продаются:

АНТОНЪ КАЛЮЖНЫЙ. Повѣсть изъ морской жизни. Сост. **Н. Н. Сергіевскій.** 88 стр. Ц. 20 к.

АЭРОПЛАНЪ-ПРИЗРАКЪ. Фантастическій романъ. **Поль д'Ивуа.** 166 стр. 30 рис. Ц. 75 к.

БОЖЬЯ ВОЛЯ — ЦАРСКІЙ СОКОЛЪ. Разсказы изъ врем. царств. **Алексѣя Михайловича. А. Заринъ.** 106 стр. Ц. 25 к.

ВЕЛИКІЙ КОРМЧІЙ.—РАЗРУШЕННОЕ СЧАСТЬЕ. Разсказы изъ врем. **Царя Михаила Θеодоровича. А. Заринъ.** 46 стр. Ц. 10 к.

ВЕЛИКІЙ РУССКІЙ ПОЭТЪ Александръ Сергѣевичъ ПУШКИНЪ. Сост. **Н. Н. Сергіевскій.** 24 стр. Ц. 8 к.

ВЕЛИКІЙ ЧЕЛОВѢКЪ ИЗЪ НАРОДА Михаилъ Васильевичъ ЛОМОНОСОВЪ. Сост. **Н. Н. Сергіевскій.** 35 стр. Ц. 15 к.

ВОЛНА. Сборникъ русской художественной поэзіи. Содержитъ 333 стихотворенія лучшихъ русскихъ авторовъ XIX вѣка. Миніатюрное изящное изд. въ колепкоровомъ переплетѣ. Ц. 1 р.

ВЪ КАЗАРМѢ И ДОМА. (Пять разсказовъ о военной службѣ). **В. Е. Талова.** 70 стр. Ц. 20 к.

ДАРЪ БОЖІЙ. Разсказъ. Сост. **Н. Н. Сергіевскій.** 24 стр. Ц. 5 к.

ДЕРЕВНЯ ВЪ ГОРОДѢ. Сборникъ разсказовъ. **С. Л. Облеуховой.** 64 стр. Ц. 35 к.

МАЛЕНЬКІЕ ЛЮДИ. Сборникъ разсказовъ. **С. Л. Облеуховой.** 68 стр. Ц. 35 к.

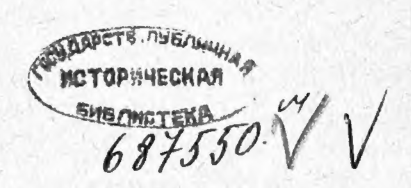
НА ВОЙНѢ. Записки строевого офицера. Сост. **А. Смирновъ.** 48 стр. Птгр., 1914 г. Ц. 30 к.

Библіотека „СЕЛЬСКАГО ВѢСТНИКА“.

РАЗСКАЗЫ О ВОЙНѢ.

СОСТАВИЛЪ
Ф. Н. РАТНИКЪ.

ИЗДАНІЕ
„СЕЛЬСКАГО ВѢСТНИКА“
ПЕТРОГРАДЪ, Мойка, № 32.

Типографія „Сельскій Вѣстникъ", Мойка, 32.

ОТЪ СОСТАВИТЕЛЯ.

Далеко находятся тѣ, кто своей кровью защищаетъ родину отъ враговъ; но мысли наши всегда съ ними—съ дорогими нашими защитниками.

Каждому хочется знать, какъ они ведутъ свою тяжелую борьбу съ противникомъ. Изъ разныхъ сообщеній о военныхъ дѣйствіяхъ мы знаемъ о дѣйствіяхъ кавалеріи, о лихихъ наѣздахъ казаковъ. Часто упоминаютъ о трудныхъ атакахъ непріятельскихъ окоповъ; хвалятъ нашу артиллерію, отважную работу пулеметныхъ ротъ.—Чтобы представить себѣ яснѣе дѣйствія всѣхъ частей арміи: и кавалеріи, и пѣхоты, и артиллеріи въ разныя минуты боя, и составлены были мною общедоступныя чтенія о войнѣ. Первоначально они печатались въ газетѣ „Приходскій Листокъ", а теперь предлагаются читателямъ въ вновь переработанномъ видѣ. Составлены эти чтенія на основаніи частью офиціальныхъ сообщеній, а, главнымъ образомъ, со словъ очевидцевъ и участниковъ.

Ратникъ.

Первыя боевыя стычки.

I.

Въ самый Ильинъ день, какъ вихрь пронеслась отъ края и до края Россіи вѣсть о томъ, что нѣмцы объявили намъ войну. Никто въ народѣ не зналъ, что они уже давно замышляютъ отнять часть нашихъ владѣній и цѣлыхъ сорокъ лѣтъ готовятся къ войнѣ съ Россіей. Но тѣмъ не менѣе, когда Государь въ манифестѣ торжественно заявилъ: „Видитъ Господь, что не ради воинственныхъ замысловъ или суетной мірской славы подняли Мы оружіе, но ограждая достоинство и безопасность Богомъ хранимой нашей имперіи",—всѣ отъ барина и ученаго до послѣдняго крестьянина знали, что это такъ; что на насъ нападаютъ враги, и, значитъ, нельзя не встать на защиту родины.

Томительны были первыя недѣли ожиданія вѣстей съ полей сраженія. Тогда, съ непривычки, казалось, что въ какой нибудь мѣсяцъ все выяснится, что сразу начнется нѣчто неожиданное, большое, какъ неожиданно грянула самая война.

Первые выстрѣлы на нашей германской границѣ раздались еще въ день объявленія войны. 19 іюля небольшіе непріятельскіе отряды заняли пограничные польскіе города: Бенцинъ и Калишъ, а 20-го и Ченстоховъ. Всѣ эти пункты были оставлены нашими войсками безъ боя, такъ какъ по

плану войны рѣшено было не защищать тѣ польскія губерніи, которыя вдавались полосой въ непріятельскую землю, ибо здѣсь нашей арміи грозила опасность быть окруженной врагами. Многіе знали, что въ случаѣ войны эти и нѣкоторые другіе города рѣшено было отдать безъ боя; однако, вѣсть о занятіи ихъ больно отозвалась на сердцѣ. Но скоро стали получаться и радостныя вѣсти. И наши войска начали наступленіе въ нѣмецкія земли и сразу отбросили непріятеля верстъ на двадцать. Стали поступать извѣстія о блестящихъ дѣйствіяхъ нашей кавалеріи и даже отдѣльныхъ лицъ. Приведемъ нѣкоторые изъ разсказовъ, порадовавшіе населеніе первыми отрадными вѣстями съ поля брани. Всѣ газеты обошелъ слѣдующій разсказъ землевладѣльца К. Козина, Волынской губерніи.

„Въ моемъ имѣніи, находящемся на австрійской границѣ,—разсказываетъ г. Козинъ,—служили полевыми сторожами два казака: осетинъ Зонтіевъ и черкесъ Біевъ. Сторожа эти вооружены были кинжалами; кромѣ того, у каждаго изъ нихъ была шашка и браунингъ. 27-го іюля, около 2-хъ часовъ дня, сторожа замѣтили наступленіе австрійской пѣхоты. Подпустивъ на близкое разстояніе непріятеля, они открыли стрѣльбу изъ браунинговъ. Австрійцы, не разсчитывавшіе встрѣтить здѣсь сопротивленіе, растерялись. Рѣшивъ, что лѣсъ занятъ русскими, они стали отступать. Оба казака, продолжая стрѣльбу, выбили изъ строя девять австрійцевъ, а затѣмъ донесли коменданту о наступленіи непріятеля. Въ это время выяснилось, что наступаютъ съ другой стороны еще двѣ роты австрійцевъ, присоединившіяся къ отступавшей ко-

лоннѣ. Комендантъ далъ Біеву 25 всадниковъ. Обойдя австрійцевъ, Біевъ ударилъ имъ въ тылъ и заставилъ ихъ отступить".—А вотъ и другой случай отважнаго противодѣйствія врагу.

II.

Станція Новоселицы, на австрійской границѣ, подверглась нападенію довольно большого отряда австрійскихъ войскъ. Австрійцы, не встрѣтивъ сопротивленія вначалѣ, заняли ночью зданіе пассажирскаго вокзала и примыкавшія къ нему строенія. Наши солдаты, къ которымъ примкнули вооружившіеся ружьями желѣзнодорожные служащіе, укрѣпились на складахъ дровъ, принадлежащихъ промышленнику Мамаеву, а также въ зданіи желѣзнодорожнаго депо. По сигналу русскіе открыли стрѣльбу по австрійцамъ. Отпоръ этотъ явился для австрійцевъ совершенно неожиданнымъ. Безпорядочно стрѣляя въ ночной темнотѣ, австрійцы бѣжали, оставляя за собой многихъ убитыхъ и раненыхъ. Наши солдаты немедленно вышли изъ засады и бросились преслѣдовать непріятеля, продолжая наносить ему сильнѣйшій уронъ. На слѣдующій день австрійцы прислали парламентера съ просьбой разрѣшить имъ убрать убитыхъ и раненыхъ. Съ нашей стороны потерь не было.

Не однимъ только австрійцамъ приходилось страдать такъ отъ нашихъ стражниковъ и пограничныхъ отрядовъ. Стражникъ Сидоренко умудрился одинъ прогнать цѣлый отрядъ пруссаковъ въ тридцать человѣкъ. Нѣмцы явились въ пограничную деревню, попросили ѣсть и грозили истребить усадьбу и все мѣстечко. Сидоренко спрятался

за ограду кладбища и открылъ стрѣльбу. Нѣмцамъ показалось, что стрѣляетъ цѣлый отрядъ. Они поспѣшно сѣли на коней и ускакали въ Пруссію.

III.

Когда русскія войска въ первый разъ вошли въ нѣмецкія земли, имъ былъ отданъ приказъ: „Ничего даромъ, безъ уплаты, не трогать; никому изъ жителей никакихъ обидъ не чинить“. Такъ солдаты и дѣлали. Какъ бы въ благодарность за это, нѣмецкое мирное населеніе стало вѣроломно бить нашихъ солдатъ изъ за угла.

Почти въ каждомъ селеніи, чрезъ которое русскимъ приходилось, встрѣтивъ болѣе сильный отрядъ нѣмцевъ, отходить назадъ, изъ каждаго дома въ нихъ стрѣляли изъ ружей и даже пулеметовъ. Стрѣляли не только мужчины, но даже женщины. На каждомъ шагу, кромѣ того, были разставлены шпіоны. Везетъ, напримѣръ, нѣмецкій колонистъ возъ съ какими то мѣшками. „Что везете“,—спрашиваетъ его встрѣчный казачій разъѣздъ,—„огурцы“, отвѣчаетъ колонистъ. Казакъ ткнулъ въ верхній мѣшокъ пикой; оттуда раздался крикъ,—колонистъ везъ двухъ шпіоновъ и мѣшки съ прокламаціями, призывавшими поляковъ къ мятежу противъ России.

Въ каждой занятой нами деревенькѣ оставались шпіоны и по телефону передавали свѣдѣнія о движеніи русскихъ. Въ мѣстечкѣ Маркграбовѣ у школьнаго учителя былъ обнаруженъ телефонъ, аппаратъ котораго былъ спрятанъ въ платяномъ шкафу, въ картонкѣ отъ шляпы. Изъ этой картонки провода шли подъ землей; по нимъ онъ

передавалъ свѣдѣнія, которыя получалъ самъ. Для этого онъ зазывалъ къ себѣ нашихъ солдатъ, всячески ихъ угощалъ и очень искусно вывѣдывалъ то, что ему было нужно.

Чтобы побудить мирное населеніе къ самому ожесточенному сопротивленію русскимъ, германскія власти и печать всячески клеветали на насъ: они внушали народу, что русскіе хотятъ истребить всѣхъ нѣмцевъ, не только армію, но и мирныхъ жителей. О казакахъ разсказывали и писали даже въ нѣмецкихъ газетахъ, что они дикіе, какъ звѣри, съ которыми они живутъ въ лѣсахъ; что они питаются сырымъ мясомъ и кровью. „Помните,— убѣждали нѣмцы,—что вы идете защищать вашихъ женъ, сестеръ и матерей отъ этихъ ужасныхъ варваровъ". Поэтому, отношеніе нѣмцевъ къ казакамъ было самое звѣрское.

Нѣмцы пришли...

I.

Городъ съ каждымъ днемъ все пустѣетъ и пустѣетъ. Шопотомъ изъ устъ въ уста передаются пугающіе слухи: „нѣмцы подошли на десять верстъ"..., „подошли на пять верстъ, на три версты"... Слухи эти торопятъ съ выѣздомъ самыхъ тяжелыхъ на подъемъ горожанъ. Тянутся телѣги городской бѣдноты. Выѣхать теперь не такъ то легко. Лошадей подчасъ не достанешь и за большія деньги. Почти всѣ „повозки" заполнены, или вѣрнѣе прямо набиты малыми ребятами. Неудобно имъ, холодно,

посинѣли они, плачутъ. Рядомъ съ повозкой шлепаютъ по грязи взрослые, обвѣшанные чайниками, какими то свертками, коробками.

Кто то не досталъ даже и телѣги. Пришлось использовать велосипедъ. Навалили на него перину, подушки, корзину и „катятъ“, поддерживая его съ обѣихъ сторонъ. Тащатъ вещи и на собственныхъ плечахъ. Вотъ на косогорѣ возъ опрокинулся, и по шоссе разсыпалась вся рухлядь.

Закрылись послѣднія лавчонки. Съ тревогой смотрятъ жители, какъ спѣшно выбирается изъ города только что развернутый лазаретъ Краснаго Креста. Значитъ, дѣло плохо. Врагъ все ближе и ближе.

Здѣсь гроза только еще надвигается. Врагъ не далъ еще себя знать. Болѣе тяжелыя сцены и уже полную суматоху приходится наблюдать, когда начнется бомбардировка какого-нибудь селенія. Стемнѣло. Поѣздъ подошелъ къ Г. . . . На станціи ступа непротолченная. Солдаты съ ружьями и безъ ружей. Пассажиры. Платформа загромождена узлами, корзинами, сундуками. Женщины, дѣти, старики сидятъ кучками. „Куда вы ѣдете“? спрашиваютъ ихъ. „Все равно куда“,—отвѣчаютъ взволнованные до крайности.—Въ которую сторону поѣзда скорѣе, и гдѣ мѣсто будетъ. „Мы—изъ Д. . .“,—и не дожидаясь вопроса, продолжаютъ: „что тамъ творится! Адъ! мы таки себѣ сидѣли спокойно по домамъ—вдругъ слышимъ: „бахъ“, „бахъ“, „бахъ“. И пошло, и пошло. Сначала по церкви. Псаломщикъ вышелъ изъ дома,—ему ноги оторвало. Потомъ по домамъ. . . . .

. . . .

Мы кинули все, забрали дѣтей на руки и прочь

изъ ада. Сначала верстъ десять бѣжали и шли пѣшкомъ. Потомъ насъ подвезъ немного мужикъ на возу. Потомъ опять шли пѣшкомъ. Сорокъ верстъ такъ. Не дай Богъ ихъ женамъ и дѣтямъ такъ, треклятые, нѣмцы!“

II.

Немногимъ лучше чувствуютъ себя мирные жители и тогда, когда нѣмцы приходятъ безъ стрѣльбы. „Все разорили, проклятые“, разсказывалъ псаломщикъ одного изъ пограничныхъ съ Австріей селъ. „Добро-бъ еще самимъ нужно было, а то такъ, зря. Я жилъ хорошо, домъ былъ лучшій на деревнѣ.. Такъ нѣтъ же,—изъ озорства все въ пухъ и прахъ разнесли“.

„Прежде всего бросились въ церковь, на колокольню. А двери у насъ крѣпкія, и замокъ здоровенный. Возились, возились, пока сломали и сейчасъ на колокольню своего часового. Потомъ выгнали насъ всѣхъ на площадь. „Гдѣ вашъ попъ, подавай попа, онъ намъ нуженъ?“ „Нѣту попа, говоримъ,—въ городъ уѣхалъ“.—„Гдѣ староста сельскій“? „Нема и старосты, въ лѣсъ ушелъ“,— „Давай дескала“ (дьячка). Я какъ услышалъ, такъ и обмеръ, а послѣ самъ крикнулъ: „нѣтъ дескала, тоже въ городъ уѣхалъ“.—Они разсердились и всѣхъ прикладами, а потомъ пошли сами грабить по домамъ. Скотину и живность рѣзали, складывали на телѣги и сейчасъ же дальше увозили. Мужскую одежду брали себѣ, а женскую разрѣзали на крестъ и рвали въ клочья. Съ собой забирали все: посуду, утварь, и больше всего иконы. Какъ стало смеркаться они ушли, наказавъ къ

завтрашнему дню приготовить 600 хлѣбовъ, и оставили въ деревнѣ караулъ. Потомъ пришли опять и позабирали дѣвокъ; все больше плеткой гнали, вой поднялся въ деревнѣ,—такой стонъ и плачъ! Они себѣ намѣтили еще утромъ, а теперь съ револьверами гнали: иди, а не то смерть и тебѣ, и близкимъ. Нѣкоторыя увернулись, убѣжали и спрятались. Другихъ вернули къ утру, а иныхъ и по сейчасъ нѣтъ".

III.

Тяжелыя картины варварской расправы съ мирными жителями имѣли мѣсто въ Калишѣ. Вотъ что разсказываетъ о томъ, что происходило здѣсь, убѣжавшая изъ Калиша жена одного чиновника. Въ ночь на 20-е іюля мы узнали объ объявленіи Германіей войны Россіи. Въ часъ ночи мы услышали приближающійся топотъ лошадей и одиночные выстрѣлы. Затѣмъ раздался грохотъ взрыва. Черезъ нѣсколько минутъ проскакалъ по городу германскій отрядъ съ зажженными факелами. Убѣдившись, что войска нѣтъ, и что со стороны мирныхъ жителей нельзя ожидать сопротивленія, враги ускакали обратно.

Черезъ три часа, т. е. въ 4 часа утра на воскресенье, нѣмецкія войска вошли въ городъ. Нѣмцы потребовали выдачи всѣхъ денегъ, имѣвшихся по ихъ свѣдѣніямъ въ казенныхъ учрежденіяхъ. Первой жертвой сталъ казначей Соколовъ, разстрѣлянный послѣ того, какъ онъ заявилъ, что бумажныя деньги онъ, по распоряженію начальства, сжегъ. Соколова и еще трехъ лицъ разстрѣляли въ зданіи ратуши. Два дня спустя я видѣла

у ратуши четыре валяющихся трупа. Лица ихъ почернѣли. У одного изъ разстрѣлянныхъ снесенъ черепъ, у другого вывалился мозгъ. Вечеромъ въ нѣмецкихъ солдатъ кто-то бросилъ камнемъ.

Кто это сдѣлалъ, установить не удалось, да и разслѣдованія нѣмцы не производили, а немедленно походнымъ маршемъ выступили изъ города. Но тутъ-то и началось самое роковое. Въ 14 верстахъ отъ города нѣмцы остановились. На городъ была направлена артиллерія. Раздался залпъ, другой, третій. Въ городѣ началась паника. Нѣсколько домовъ были поврежденныя ядрами.

На слѣдующій день мнѣ пришлось наблюдать такую сцену. Переодѣтый въ штатское платье шелъ по улицѣ стражникъ. Его остановилъ нѣмецкій солдатъ, толкнулъ къ забору, направилъ ружье и выстрѣлилъ. Стражникъ упалъ, сраженный пулей на-смерть. Жена этого стражника, увидѣвъ трупъ мужа, обезумѣвшая, убѣжала въ поле, бросивъ дѣтей. Потомъ говорили, что эта женщина помѣшалась. Всего на улицахъ города можно было видѣть 18 валявшихся труповъ разстрѣлянныхъ обывателей. Трупы не убирались.

Когда вступившихъ въ городъ германцевъ встрѣтила городская депутація,—они направили на нее ружья, но потомъ велѣли депутатамъ вести подъ уздцы своихъ лошадей въ городъ. Особеннымъ издѣвательствамъ подверглись богатые жители Калиша. Одинъ купецъ умеръ отъ потрясенія. На второй день пребыванія нѣмцевъ въ Калишѣ началось бѣгство жителей изъ города. Объятые ужасомъ жители бросались во всѣ стороны, стремясь выбраться въ поле, спасаясь отъ вѣрной смерти, которая имъ грозила въ городѣ.

Нѣтъ никакой возможности перечесть всего, что стало извѣстнымъ относительно жестокой расправы нѣмцевъ съ мирнымъ населеніемъ. Но, конечно, еще больше этихъ печальныхъ случаевъ обнаружится тогда, когда врагъ будетъ изгнанъ изъ всѣхъ, занятыхъ имъ городовъ и селеній.

Казаки.

I.

Наша конница первая обнаружила свои боевыя качества, первая несла и потери. Кавалерія при современныхъ условіяхъ войны не можетъ дѣйствовать наряду съ пѣхотой. Теперь приходится солдату зарываться въ землю; прятаться за каждую кочку; при наступленіи ползти на брюхѣ, иначе въ какой нибудь часъ всѣхъ положатъ на мѣстѣ современныя страшныя пушки и пулеметы. Всадникъ на конѣ можетъ идти только въ короткую, стремительную атаку, а когда нужно выбивать противника изъ окоповъ, приходится коней прятать гдѣ-нибудь за горкой и ползти или перебѣгать пѣшкомъ. Но кавалерія и теперь несетъ огромную службу. Она задерживаетъ передовые отряды насѣдающаго непріятеля; сначала отстрѣливаются, залегши въ какую либо канаву и спрятавъ лошадей, а затѣмъ на коней—и были таковы: лови ихъ. Еще больше помогаетъ конница при отступленіи непріятеля. Здѣсь она насѣдаетъ на хвостъ его колонны, беретъ плѣнныхъ, захватываетъ обозъ, пушки; обходитъ лѣсными тропинками въ тылъ отступающихъ

и производить у нихъ переполохъ, особенно ночными нападенiями. Но главная служба конницы все таки развѣдка и охрана пѣхоты отъ неожиданныхъ нападенiй. Поэтому, между прочимъ, конница особенное значенiе имѣла въ началѣ войны, пока пѣхота еще не двигалась съ мѣста.

Нѣмцы не даромъ не любятъ казаковъ и боятся ихъ. Казаки показали себя молодцами и на развѣдкѣ, и въ борьбѣ съ непрiятельской кавалерiей. Ради того, чтобы исполнить порученiе, они не останавливаются передъ явною опасностью для жизни. Въ самыхъ тяжелыхъ положенiяхъ, благодаря отвагѣ и находчивости, казаки не пропадали. Вотъ разсказъ объ одномъ казакѣ офицера... Является какое то чудо лѣсное. Обросъ бородой. Обвѣтрѣлъ. Оказывается, еще 24-го iюля отбился отъ своихъ. Его забрали и привели къ австрiйскому генералу. Всю дорогу щипали, били. Весь въ синякахъ и ссадинахъ былъ.—Генералъ началъ его допрашивать: „Гдѣ русскiе"?—„Не знаю".—„Какъ не знаешь. Я тебя повѣшу".—„Ваше дѣло. А только откуда мнѣ знать? Про то господа офицеры, да и то не всѣ, знаютъ". Плюнулъ онъ мнѣ въ лицо; что то сказалъ своимъ.

Взяли они меня, позвали подводу и повели въ лѣсъ. Веревки съ ними. За деревьями, вижу,—рѣка.—„Руки впередъ",—понялъ: вѣшать меня собираются. Я не растерялся. Впереди большой дубъ. Я какъ сигану туда, да за дубъ. Они стрѣлять. Всѣ пули въ дерево. Сообразилъ: сейчасъ набѣгутъ. Перекрестился да въ рѣку. Плыву, а пули у головы у самой булькъ да булькъ въ воду. Позади орутъ, ружья трещатъ. Гдѣ глыбко, еще хорошо, а на мелкомъ мѣстѣ весь передъ ними,

подлецами, какъ на ладони. Ну, Господь помогъ; выкинулся я на ту сторону, а тамъ домъ, заборы. Я за нихъ. Они тоже черезъ рѣку, да поздно надумались. Около опять лѣсъ. Ну я добрался до опушки, поползъ въ кусты. Вижу, они цѣлятъ въ меня. Сообразилъ: бѣлая рубаха моя видна имъ. Рубаху долой, а самъ на дерево. Они мимо. Тутъ я и вздохнулъ. Долго жилъ такъ. Мужики, дай имъ Богъ, обули, одѣли, кормили, пока я на своихъ не наткнулся.

II.

Въ Москву прибылъ для леченія одинъ изъ героевъ настоящей войны подхорунжій Яковъ Халинъ, имѣющій 4 Георгіевскихъ креста. Вотъ что разсказалъ Яковъ Халинъ о тѣхъ подвигахъ, за которые онъ получилъ боевыя отличія.—Первое дѣло было у меня на пути ко Львову. Я находился въ составѣ казачьей развѣдочной сотни. Подъ К.... австрійцы оказывали намъ упорное сопротивленіе. За ихъ спиной была желѣзная дорога, по которой безпрерывно подходили подкрѣпленія. Чтобы лишить непріятеля возможности пользоваться желѣзнодорожной колеей, надо было взорвать мостъ. Мостъ взорвалъ я. Мостъ взлетѣлъ въ тотъ моментъ, когда по нему мчался воинскій поѣздъ. Среди австрійцевъ началась паника. Они очистили К... За взрывъ моста я получилъ Георгія 4-й степени.

Слѣдующій Георгіевскій крестъ я удостоился получить за уничтоженіе непріятельскаго разъѣзда. Я былъ на развѣдкѣ и отсталъ отъ своихъ. Тутъ

откуда ни возьмись семь венгерскихъ гусаръ съ офицеромъ. Окружили меня и все норовили взять живьемъ въ плѣнъ. А я ихъ и пикой и шашкой. Шестерыхъ зарубилъ на смерть, а офицера съ унтеромъ забралъ въ плѣнъ. Потомъ нашу сотню перевели на прусскій фронтъ.

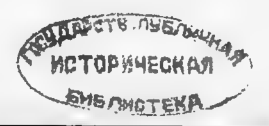
Разъ былъ посланъ передать на передовыя позиціи отвѣтственное словесное порученіе. Ѣхалъ я туда вь сопровожденіи небольшого отряда. Въ лѣсу насъ окружили нѣмцы. Я получилъ нѣсколько ранъ, но порученіе выполнилъ. За это мнѣ дали Георгія второй степени. Георгіевскій крестъ первой степени я получилъ послѣ нашего отхода отъ Мазурскихъ озеръ. Отбивались мы отъ нѣмцевъ, какъ могли, но они насъ все же смяли. Меня и товарищей захватили въ плѣнъ и привели въ лагерь. Здѣсь меня отдѣлили отъ товарищей и стали допытываться, что я знаю. Я наотрѣзъ отказался отвѣчать. Тогда отвели меня въ сарай. Холодъ страшный, а на улицѣ метель.

Рѣшилъ я бѣжать. Продѣлалъ я въ камышевой крышѣ дыру, вылѣзъ, а внизу часовой. Я прямо на него. Свалилъ въ снѣгъ и задушилъ. Даже пикнуть онъ не успѣлъ. Надѣлъ его шинель, каску, взялъ въ руки ружье и иду наугадъ, прямо. Встрѣтилъ другого часового. Тотъ окликнулъ меня. Я отвѣтилъ что-то, подражая нѣмецкой рѣчи. Подошелъ онъ вплотную ко мнѣ, я его штыкомъ-пикой. Тоже на смерть уложилъ. Восемь дней плуталъ. Прошелъ Августовскіе лѣса. Нечего было ѣсть. Какъ не замерзъ, самъ не знаю. Добрался до своихъ позицій, а тамъ меня часовые за нѣмца приняли. Ружья направили. Едва увѣрилъ ихъ, что свой. Подъ Осовцомъ меня контузило. И пришлось уйти съ фронта.

III.

Вотъ еще любопытный разсказъ урядника Лисовенко о приключеніяхъ въ развѣдкѣ. Ѣдемъ-ѣдемъ, а нѣмцевъ все нѣтъ, какъ нѣтъ. Далеконько-таки отъ своихъ отъѣхали. Наконецъ, наткнулись мы на ихній патруль изъ пяти человѣкъ. Сняли его (т. е. перебили всѣхъ). Ну, да это не въ счетъ... Ладно. Ѣдемъ дальше. Вдругъ, этакъ къ вечеру, видимъ мы: летитъ другой нашъ разъѣздъ. „Уноси ноги, ребята,—кричатъ намъ земляки,—нѣмецъ большими силами гонится за нами".— Дѣйствительно, видимъ: много ихъ и справа и слѣва подъѣзжаютъ. Стали мы отходить, а тутъ, кстати стемнѣло. Ушли. Только видно слишкомъ далеко мы забрались, такъ какъ чуть свѣтъ опять напоролись на полуэскадронъ нѣмецкихъ уланъ. Пострѣляли мы въ нихъ. Видимъ: человѣкъ 15 свалилось. Только что мы хотѣли на нихъ атакой идти, какъ густо къ нимъ на подмогу пѣхота пошла да изъ пулемета стала хватать. Тутъ подо мной коня убили. Станичники наши хотѣли мнѣ пособить изъ подъ коня выбраться, да я имъ крикнулъ: „уходи, ребята, не то тутъ всѣхъ насъ перебьютъ".

Вылѣзъ я изъ подъ коня да въ кусты—думалъ схорониться. Только куда тамъ: подскакали конные и впятеромъ на меня навалились. Сшибли съ ногъ, скрутили ремнемъ и повели къ своему начальству. Офицеръ ихній по нашему говоритъ, разспрашиваетъ: гдѣ наши, много ли полковъ. А я прикинулся дуракъ-дуракомъ, стою разиня ротъ, и на все одно отвѣчаю: „не могу знать, ваше благо-

родіе". Бился-бился, онъ со мною, да видитъ, что толку никакого, махнулъ рукой и велѣлъ меня въ сарай отвести. Заперли меня въ сѣнной сарай и туда же сѣдло, снятое съ моего гнѣдка, бросили. Ночь выпала холодная, и мои часовые ко мнѣ въ сарай вошли. Одинъ забрался на верхъ и зарылся въ сѣно, а другой подлѣ меня легъ и тоже захрапѣлъ. Ну, думаю, семи смертямъ не бывать, а одной не миновать. Благослови, Господи. Вытащилъ я осторожно у спящаго штыкъ, да и смекаю, куда бы это его такъ ткнуть, чтобы онъ не закричалъ. Всего лучше въ горло. Дѣйствительно, не пикнулъ даже. Забралъ я свое сѣдло,—не пропадать же казенному добру,—вылѣзъ изъ сарая и ну ползкомъ уходить.

Добрался я до ближайшей деревушки и къ крестьянамъ: такъ молъ и такъ, выручайте братцы. Они, какъ родного меня приняли, переодѣли въ свое платье, а мою казачью одежду въ землю зарыли. Туда же и сѣдло. На утро порѣшили мы, что прикинусь я глухо-нѣмымъ, а они мнѣ мальчугана въ поводыри дадутъ. Только мы ушли, а въ деревнѣ обыскъ начался, меня ищутъ. Три дня мы съ мальчонкой въ самой, можно сказать, гущѣ нѣмецкой прobродили. И все старались, какъ можно больше нѣмцу нашкодить: увидимъ знакъ какой поставленъ,—сломаемъ; телефонъ или телеграфъ тамъ провели, — проволоку перерѣжемъ; обозъ ихній встрѣтимъ,—мой мальчонка такъ имъ дорогу покажетъ, что цѣлый день у нихъ даромъ пропадетъ. А я все примѣчаю, гдѣ и какія нѣмецкія силы расположены. На четвертый день къ своимъ пробрался и все, что видалъ, по начальству доложилъ. А только Егорія зря дали. Ну,

добро бы тамъ знамя или пушку ихнюю отбилъ, а то эка невидаль—изъ плѣна убѣгъ.

Бываютъ иногда такіе разсказы очевидцевъ о лихихъ дѣлахъ нашихъ казаковъ, что съ перваго впечатлѣнія они кажутся сказкой.

Казачій разъѣздъ изъ десяти человѣкъ наткнулся на нѣмецкій эскадронъ. Избѣгая рукопашной схватки, нѣмцы спѣшились и издали открыли огонь. Казаки вихремъ полетѣли прямо на нихъ. Джигитуя, они наскаку сползли подъ брюха коней. Получилось впечатлѣніе мчавшихся безъ всадниковъ лошадей. Нѣмцы рѣшили, что они перебили всѣхъ казаковъ, и, пораженные собственной мѣткостью, бросивъ оружіе, кинулись ловить добычу,—казачьихъ лошадей. Но къ ужасу нѣмцевъ, воскресшіе вдругъ казаки вновь очутились въ сѣдлахъ. Удалые станичники изрубили весь эскадронъ, такъ какъ ошеломленный чудеснымъ превращеніемъ противникъ совсѣмъ растерялся.

IV.

Какъ лихо дерутся казаки въ общей схваткѣ, примѣромъ этому можетъ служить описаніе слѣдующаго дѣла. Было раннее утро. Казачій разъѣздъ изъ 15 человѣкъ во главѣ съ начальникомъ, хорунжимъ Мартыновымъ, выступилъ по направленію, указанному ему начальникомъ штаба. Медленно подвигаясь за дозорными, казаки дошли до деревни, вступили въ нее, заглянули во всѣ углы, и, убѣдившись, что нѣмцевъ въ деревнѣ нѣтъ, двинулись обратно. Вокругъ все было спокойно, никакихъ признаковъ присутствія непріятеля не было замѣчено, а потому казаки двинулись обратно, не высылая впередъ дозорныхъ.

Пройдя благополучно около трехъ верстъ, отрядъ внезапно за однимъ изъ поворотовъ дороги былъ встрѣченъ залпомъ непріятеля, который, какъ выяснилось, замѣтилъ движеніе нашего разъѣзда и, давъ ему продолжать путь къ деревнѣ, обошелъ казаковъ сбоку и зашелъ въ тылъ верстъ на пять. Залпомъ нѣмцевъ однимъ изъ первыхъ былъ раненъ начальникъ разъѣзда хорунжій Мартыновъ въ плечо, голову (разорвало ухо) и въ ногу. Но, несмотря на одновременное тройное пораненіе, хорунжій Мартыновъ нашелъ въ себѣ достаточно силъ, чтобы удержаться на конѣ. Оправившись въ сѣдлѣ, онъ громко скомандовалъ атаку, и казаки стрѣлой понеслись на непріятеля, стрѣлявшаго изъ канавы, которая находилась шагахъ въ пятистахъ отъ казаковъ. Нѣмцевъ было тридцать восемь человѣкъ—спѣшившихся уланъ. Изъ нихъ тридцать человѣкъ стрѣляли по казакамъ, а восемь коноводовъ держали лошадей въ близлежащей рощѣ. Когда казаки въ отвѣтъ на залпъ нѣмцевъ лавой бросились на нихъ, нѣмцы, не ожидавшіе такой смѣлости, какъ бы опѣшили. Вмѣсто того, чтобы стрѣлять безъ перерыва въ атаковавшихъ ихъ казаковъ, они ослабили значительно огонь. Все же нѣмцамъ удалось вывести изъ строя пять казаковъ. Были убиты: старшій урядникъ и приказный и трое казаковъ ранено, изъ которыхъ двое тяжело. Въ результатѣ десять казаковъ врубились въ ряды непріятеля, втрое превосходившаго ихъ численностью. Въ схваткѣ хорунжій Мартыновъ былъ еще разъ раненъ въ правую сторону груди выстрѣломъ въ упоръ изъ револьвера. Несмотря на это, герой хорунжій тутъ же зарубилъ ранившаго его германскаго офицера. Прошло нѣсколько ми-

нутъ, и изъ германцевъ не осталось въ живыхъ ни одного человѣка. Восемь коноводовъ вмѣстѣ съ лошадьми были взяты въ плѣнъ. Трупы германцевъ остались въ канавѣ, и только потомъ пришедшіе спеціально для погребенія наши саперы сложили ихъ въ братскую могилу. Сдѣлавъ перевязки своимъ товарищамъ и привязавъ къ сѣдламъ казачьи трупы, разъѣздъ вернулся въ штабъ дивизіи, ведя съ собой восемь германскихъ уланъ и тридцать восемь коней. По распоряженію начальника дивизіи всѣ казаки участники этого лихого боя представлены къ Георгіевскимъ крестамъ. Хорунжій Мартыновъ награжденъ орденомъ св. Георгія 4-й степени.

V.

Привести въ плѣнъ нѣмецкаго офицера, это дѣло для нашихъ казаковъ далеко не рѣдкостное.

Одно время среди нашихъ войскъ, дѣйствующихъ на восточно-прусской границѣ, ходилъ упорный слухъ о томъ, что императоръ Вильгельмъ пріѣхалъ въ Лыкъ и принялъ на себя руководство военными операціями противъ русскихъ. Среди казаковъ возникло соревнованіе, своего рода спортъ: кто выловчится и захватитъ „его“ живьемъ. Происходили неоднократно курьезные случаи. Въ Ново-Каменное прискакалъ казачій вахмистръ съ цѣнной добычей—плѣннымъ германскимъ оберъ-лейтенантомъ. Казакъ явился къ эсаулу и доложилъ, что онъ привезъ плѣннаго Вильгельма.—„Мы перекололи нѣмецкій отрядъ и захватили „его“ живьемъ. Енъ сильно отбивался и два раза выхватывалъ револьверъ, чтобы застрѣлиться“... Плѣненный „Вильгельмъ“ оказался самымъ обыкно-

венным прусским уланским офицером. Правда, онъ и фигурой и усами чрезвычайно походилъ на Вильгельма. Пришлось разочаровать удалого донца и объяснить, что онъ забралъ въ плѣнъ не Вильгельма. „Можетъ быть ошиблись. Но мы все таки „его“ приведемъ“. На другой день тотъ же вахмистръ доставилъ еще двухъ прусскихъ кавалеристовъ. „Ну, ужъ на этотъ разъ хоть одинъ изъ нихъ Вильгельмъ“. И опять оба пруссака оказались только похожи на Вильгельма. Долго продолжалась бы эта охота казаковъ на Вильгельма, если бы имъ строго на строго не запретили ловить германскаго императора, въ виду совершенной безцѣльности такой погони за нимъ.

Казаки издавна славились по всей Европѣ своей удалью, быстротой дѣйствія и отвагой. Теперь эта слава еще болѣе упрочится за ними, такъ какъ ясно, что въ международномъ военномъ состязаніи первое мѣсто въ кавалеріи осталось за казаками. Съ ними не могли соперничать даже прославленные своею отвагой и лихостью венгерскіе конные полки. Помимо отваги, лихости и стойкости въ бою казаки зарекомендовали себя большой сообразительностью въ развѣдкѣ и умѣньемъ, не теряясь, дѣйствовать даже въ одиночку.

Гусары и драгуны.

I.

Вмѣстѣ съ казаками славу нашей конницы поддерживаютъ и другія кавалерійскія части. Беззавѣтною удалью зарекомендовали себя кавказскіе кавалерійскіе полки, которыхъ чаще всего зовутъ

черкесами. Большую отвагу и лихость проявили гусары и другіе конные полки.

Въ періоды развѣдокъ и борьбы передовыхъ отрядовъ часто происходятъ встрѣчныя кавалерійскія атаки. Въ этихъ столкновеніяхъ нашей кавалеріи съ непріятельской собственно и проявилось превосходство русской конницы надъ германской, австрійской и даже считавшейся лучшей въ мірѣ венгерской. Вотъ весьма характерный случай борьбы съ послѣдней. Солнце начало заходить, когда три эскадрона венгровъ бросились въ атаку на наши двѣ батареи. Они летѣли, какъ черная туча, какъ ураганъ. Наша картечь выкашивала цѣлые ряды, а они все летѣли впередъ. Тогда два эскадрона нашихъ гусаръ бросились на нихъ, и начался рукопашный бой. У пушекъ прислуга билась всѣмъ, чѣмъ попало, вплоть до кулаковъ. Всѣ рубили, кололи, стрѣляли. Всѣ рытвины и болота на полѣ битвы заполнились лошадьми и людьми. Мы почти всѣхъ перекололи и перерубили. Оставшіеся въ живыхъ, человѣкъ 15—20, бросили коней въ огородахъ и изъ-за плетней и дворовъ начали пальбу. Къ счастью, въ это время запылала деревня, и мы, при свѣтѣ пылающихъ хатъ, добили всѣхъ до единаго.

Бываютъ случаи при производствѣ кавалерійскихъ атакъ, когда единоличная отвага, близкая къ безумной дерзости, имѣетъ все-таки успѣхъ и заставляетъ непріятеля отступить. Дѣло происходитъ въ Карпатахъ. Идетъ наша батарея въ горахъ, безъ дороги, по руслу рѣки, въ обходъ и натыкается на лѣсъ, занятый врагомъ, конечно, открывшимъ неистовую стрѣльбу. Головное орудіе, не растерявшись, поворачивается и начинаетъ жа-

рить по непріятелю, но положеніе все же не легкое. Тогда артиллерійскій вахмистръ подлетаетъ къ спѣшившемуся казачьему прикрытію съ крикомъ: „вы что-же, такіе-сякіе не атакуете?! За мной!“ и не дожидаясь, мчится одинъ въ лѣсъ и тотчасъ нарывается на группу австрійскихъ солдатъ. Онъ выхватываетъ винтовку у одного, выстрѣломъ снимаетъ второго и прикалываетъ третьяго, а опѣшившихъ остальныхъ гонитъ передъ собой на своихъ. „Вотъ нашъ батько, вотъ нашъ атаманъ!“ кричатъ казаки, увидѣвъ эту картину, и всѣ какъ одинъ бросаются въ лѣсъ. Оказалось, что въ лѣсу было свыше шестидесяти австрійцевъ, когда вахмистръ производилъ атаку. Это не выдумка, зовутъ этого вахмистра Чукъ. За этимъ молодчиной Чукомъ числится еще много дѣлъ, подобныхъ этому, но и Чуковъ такихъ здѣсь много. Скромны они до чрезвычайности, и вы никогда не услышите отъ нихъ разсказа о своемъ подвигѣ. А если услышите, такъ это будетъ такъ, что вотъ молъ случилось, а я при этомъ развѣ что присутствовалъ или наблюдалъ.

II.

Главное и самое страшное дѣйствіе кавалеріи для противника — это при отступленіи. Со словъ корреспондента „Русскаго Слова“ ниже описывается атака кавалеріи на обозъ германцевъ при первомъ ихъ отступленіи въ Польшѣ. Описаніе этой атаки даетъ ясное представленіе о разрушительной работѣ конницы при преслѣдованіи врага. Почти цѣлая дивизія нашей кавалеріи съ конными батареями неотступно слѣдуетъ за отступающими изъ Польши нѣмцами Наша конница идетъ на-

ряду съ нѣмцами, но стороною, верстъ за десять-пятнадцать, проселками, а то и цѣлиной, — лѣсомъ, полями. Постоянно доносятъ своимъ главнымъ силамъ: „обходимъ артиллерію, аріергарды остались уже позади. Пѣхоту обошли... Пусто... Начались обозы... Обозы тянутся верстъ на десять... Охрана — полтора конныхъ полка“. Получивъ послѣднее донесеніе, преслѣдующія нѣмцевъ наши главныя конныя силы быстро подтягиваются. Конныя батареи несутся во всю. Скачутъ по возможности ближе къ шоссе, чтобы обогнать голову обоза. Выбираютъ позицію за лѣсомъ и устанавливаютъ орудія... Мимо батарей проскакали два полка. Свернули въ лѣсъ и подошли къ самому шоссе. Одинъ полкъ остался по сю сторону дороги, на версту впереди батарейнаго. Другой живо проскочилъ черезъ дорогу, забралъ на версту, полторы въ лѣсъ и пошелъ въ обходъ назадъ, навстрѣчу нѣмецкому обозу.

Показываются нѣмецкіе разъѣзды. Ѣдутъ спокойно, но глядятъ зорко. Впереди по дорогѣ двое-трое. Потомъ еще. И еще. Передовые разъѣзды проѣхали мимо батарейнаго. Видны какъ на ладони. Батарейный телефонитъ казакамъ впередъ: „показались, прошли“. Оттуда черезъ три-пять минутъ: „подходятъ. Равняются съ нами... Скоро дойдутъ до телефоннаго провода“. — Батарейный передаетъ: „снимайте разъѣздъ, открываю огонь“. Впереди по дорогѣ гулко пронеслось: „пакъ, пакъ, пакъ! А изъ-за лѣса сбоку завыло: „у-у-у“. Прямо въ голову обоза. Одинъ, другой, третій — сразу восемь снарядовъ. И всѣ фугасные. Страшный трескъ. Клубы густого удушливаго, чернаго дыма, а за дымомъ огненные языки. Въ головѣ обоза

каша. Куда попали снаряды, — тамъ люди, лошади — въ клочья, въ куски. Подальше десятки повалились, — кто мертвые, кто раненые. Уцѣлѣвшія лошади заметались. Кинулись съ дороги вправо. Повозки въ канавахъ опрокинулись, повалили лошадей. На дорогѣ нагромоздилась гора подводъ, и эта гора, зажженная фугасными снарядами, пылала, какъ костеръ. Продвинуться впередъ не было никакой возможности.

Та же исторія повторилась и въ хвостѣ обоза. Въ три-пять минутъ огромный обозъ обратился въ многоверстную груду хлама, чрезъ которую ни конному, ни пѣшему ни пройти, ни проѣхать. Обозная пр слуга и конница охраны, какъ ошпаренныя, кинулись изъ-подъ обстрѣла, отъ дороги, въ сторону, а тутъ налетѣли казаки. Артиллерійскій огонь какъ оборвало. Одинъ полкъ сзади, другой епередч хватили по разу, другому изъ винтовокъ и понеслись въ атаку. Кричатъ: „сдавайся, сдавайся". Обозная прислуга не знала, куда кинуться: бросались въ середину обоза, прятались подъ подводы, другіе ложились въ канавы, третьи сгрудившись, становились на колѣни, подымали вверхъ руки. Конная охрана пыталась защищаться. Одни хотѣли ринуться впередъ, прорваться. Имъ навстрѣчу неслась живая стѣна казачьихъ пикъ. Другіе кинулись назадъ, чтобы сообщить сво мъ позади, — имъ наперерѣзъ опять казаки. Кричатъ: „стой! Сдавайся!". Покончили и съ охраною обоза. Кого порубили, кого схватили за шиворотъ, кто сдался самъ. Согнали въ кучу, обезоружили. У обоза на минуту-двѣ остановка. Команда: „бери ребята, что можно изъ съѣстного и что кто хочетъ. Увозить не придется. Что останется, сожжемъ".

III.

Исключительные подвиги и рѣдкихъ героевъ родитъ нынѣшняя война. Я видѣлъ сегодня, пишетъ корреспондентъ „Новаго Времени“, одного изъ такихъ людей — офицера „безсмертнаго полка“ командира эскадрона Ея Величества — Беккера; онъ со своими гусарами въ теченіе пяти недѣль находился въ расположеніи нѣмецкихъ и австрійскихъ войскъ, попадалъ за это время въ самыя рискованныя положенія и послѣ ряда геройскихъ дѣлъ, встрѣтившись съ двумя другими эскадронами такихъ же лихихъ развѣдчиковъ, съ самыми незначительными потерями вернулся къ своему полку. Эскадронъ безсмертнаго полка былъ посланъ на развѣдки 14-го сентября, и углубляясь въ направленіи Краковъ-Мѣховъ, наткнулся на густыя нѣмецкія колонны. Нѣмцы шли лавиной. Впереди неслись ихъ велосипедисты, за ними на автомобиляхъ везли пѣхоту, дальше шла конница и артиллерія. Показался непріятельскій разъѣздъ, который не вернулся къ своимъ. Всадники были перебиты и ранены. На слѣдующій день, продолжая развѣдку, эскадронъ удалился отъ своей дивизіи болѣе, чѣмъ на семьдесятъ верстъ.

По счастью, въ ближайшихъ непріятельскихъ отрядахъ не было кавалеріи. Командиръ эскадрона обратился со словомъ къ солдатамъ, объяснилъ, что ихъ можетъ ожидать, сказалъ, что онъ ни при какихъ условіяхъ не сдастся, и спросилъ, не хочетъ ли кто остаться и пробраться назадъ въ деревню. Такихъ не нашлось. Вышли изъ лѣса и сразу наткнулись на непріятельскій обозъ. Бро-

сились въ атаку, въ обозѣ поднялась паника, такъ какъ нѣмцы не могли ожидать нападенія съ тыла. Долго съ обозомъ нельзя было заниматься, впереди виднѣлись огоньки непріятельскихъ постовъ и резервовъ и предстояло переходить бродъ чуть ли не прямо въ руки нѣмцевъ. Солдаты прочли молитвы и, когда начали переправляться, на ихъ счастье полилъ сильный дождь, заслонившій ихъ отъ непріятеля. Нѣсколько верстъ прошли благополучно, затѣмъ видятъ, бѣжитъ крестьянинъ, машетъ руками и предупреждаетъ, что близко нѣмцы. Въ бинокль можно было разсмотрѣть, что дорогу пересѣкаютъ артиллерійскіе парки, а дальше движется пѣхота. Эскадронъ проскакалъ четыре версты галопомъ по полю, его обстрѣливали залпами, но была убита всего одна лошадь.

Попали въ какое-то имѣніе, разсказываетъ ротмистръ Беккеръ, и черезъ нѣсколько часовъ насъ окружилъ австрійскій эскадронъ. Я приказалъ своимъ стрѣлять только тогда, когда дозоры подойдутъ вплотную. Три дозора уложили на мѣстѣ. Нѣкоторое время подождалъ, но вижу, что австрійцы на атаку не рѣшаются... Отошелъ, втянулся въ лѣсъ и снова наткнулся на обозы. Тутъ дѣло обдѣлали чисто. Много перебили, навели большого страху... Сдѣлали еще шесть верстъ, и новая неожиданность — непріятельская артиллерія. Ничего не оставалось, какъ броситься въ атаку. Но каково было наше изумленіе, когда при видѣ русскаго эскадрона сорокъ пять австрійцевъ упали на колѣни и стали кричать: — простите, не убивайте... мы славяне. — Если вы славяне, то какъ вы смѣли воевать съ Россіей... Да здравствуетъ Русскій Императоръ, „ура“... Австрійцы забыли, что въ

какой-нибудь верстѣ стоитъ ихъ пѣхота, и подхватили „ура“ въ честь Русскаго Императора. Я приказалъ имъ ломать зарядные ящики, высыпать патроны, они повиновались и, забравъ тысячу двѣсти орудійныхъ патроновъ, выбросили ихъ въ рѣку. Австрійцамъ дали свободу, наказавъ только не воевать больше съ русскими.

Польскіе крестьяне, наблюдавшіе, какъ австрійцы сами ломали свои ящики, пришли въ дикій восторгъ и встрѣтили насъ хлѣбомъ, молокомъ и всѣмъ, что нашлось у нихъ подъ рукой. Въ нѣсколькихъ верстахъ было имѣніе. Когда явились къ помѣщику, онъ совершенно растерялся: „куда вы, господа? Здѣсь стоитъ нѣмецкій штабъ...“ — Тѣмъ лучше, отвѣчаю, — значитъ, можно безопасно пообѣдать“. Скрѣпя сердце, помѣщику пришлось насъ накормить. Пообѣдали, двинулись дальше и сразу же обнаружили на горѣ, въ двухъ верстахъ, австрійскую пѣхоту. На постахъ насъ замѣтили, нѣсколько солдатъ бросились, повернувъ ружья прикладами, выскочилъ какой-то офицеръ и сталъ махать руками. Мы кого-то убили, кого-то ранили, съ другой стороны насъ обстрѣливала пѣхота; махавшій офицеръ подскакалъ на пятьдесятъ шаговъ и стрѣлялъ изъ револьвера, но мои гусары быстро его уложили, и только послѣ этого, выдержавъ адскую стрѣльбу, эскадронъ на нѣкоторое время оказался въ безопасности. За этотъ день мы имѣли дѣло съ австрійскимъ эскадрономъ, два раза атаковали обозы и два раза были обстрѣляны непріятельской пѣхотой.

Въ лѣсу намъ крестьянинъ сообщилъ, что поблизости русскіе на сѣрыхъ лошадяхъ. Послали крестьянина сказать, чтобы тѣ, кого онъ называлъ

русскими, высылали человѣка, а мы вышлемъ своего. Оказалось, что въ лѣсу дѣйствительно были два эскадрона такихъ же развѣдчиковъ, какъ и мы. Вздохнули свободно. Соединились. Дальше пошелъ уже не одинъ. Эскадронами командовали Пушкинъ и Слободчиковъ, а всего въ нихъ было десять офицеровъ. Нѣсколько дней прошли благополучно, а затѣмъ открыли австрійскую засаду. Произошла стычка, были раненые, но окончилось столкновеніе совершенно комично. Приходитъ солдатъ и сообщаетъ, что войтъ передалъ ему бумагу изъ австрійскаго штаба. Ни болѣе, ни менѣе, какъ предложеніе сдаться.

Получивъ такое увѣдомленіе, наши почувствовали, что имъ лучше перемѣнить стоянку и перешли на сѣверъ въ Далишицкіе лѣса. Прошло нѣсколько дней и, приближаясь къ Кѣльцамъ, славные эскадроны развѣдчиковъ встрѣтили русскіе разъѣзды.

Въ окопахъ.

I.

Путь на передовую позицію шелъ лѣсомъ. Пули то и дѣло свистятъ на разные лады, „фью... ить“—шипитъ одна; „чекъ“—крѣпко влазитъ въ стволъ дерева другая. „Съ гоноромъ“—замѣчаетъ солдатикъ. Одна шлепнулась, какъ старая галоша. „Ослабла, бѣдная“—жалѣютъ солдаты. Однообразныхъ звуковъ совсѣмъ нѣтъ. Что ни пуля, новая нота: то печально-тихая, то звонко-яростная. Подбитыя сосновыя вѣтки трещатъ и съ шумомъ,

цѣпляясь другъ за друга, падаютъ на землю. Сухая трава и мохъ шипятъ. Во многихъ мѣстахъ лѣса полное разрушеніе. Деревья переломаны. Нѣкоторые вывернуты съ корнемъ. Масса вѣтокъ. Это—работа попавшихъ сюда орудійныхъ снарядовъ. За лѣсомъ начинаются окопы.

У входа цѣлая гора цинковыхъ ящиковъ съ оружейными патронами. Солдаты починяютъ окопы. Глубокіе окопы идутъ зигзагами, расходятся въ стороны. Много крытыхъ блиндажей. „Вонъ, вонъ, летитъ!..“ раздаются голоса солдатъ. Слышу шипѣнье, гулъ. „Смотрите, видно“! День былъ пасмурный. На горизонтѣ появилось что-то черное. Не торопясь, словно громадный воронъ, надвигалось оно на наши головы и сзади нашихъ окоповъ начало опускаться. „Тррахъ!“ раздался оглушительный взрывъ. Воздухъ сильно ударилъ намъ въ лицо. Песокъ въ окопахъ началъ осыпаться. Опять жужжитъ что-то вверху. Я присматриваюсь. „Это легкій! Его не увидишь“. Опять шипѣнье, свистъ. Смотрю, надъ головой несется чугунная масса. Можно отчетливо видѣть, какъ она движется—громадная, продолговатая съ постепенно суживающимся концомъ. „Тррахъ!“—разрывъ совсѣмъ близко. Отъ земли поднимается громадный столбъ сѣраго дыма. Дымъ тянется полосой по землѣ.

У окоповъ, гдѣ мы остановились, молодой сосновый лѣсъ. Былъ когда-то. Теперь торчатъ голыя колья: оборванные, исковерканные, растерзанные. Вѣточки ни одной. Сучки, какъ поломанныя руки, торчатъ въ стороны. Опять летитъ снарядъ. „Къ намъ идетъ. Близко. Въ эту сторону. Ложитесь!“— командуетъ молодой солдатъ 10-й роты, Павелъ

Бойко. Мы растянулись у стѣнокъ окоповъ. Слились съ землей. Слышно, снарядъ стукнулся въ землю. Ждемъ разрыва. Моментъ. Нѣтъ ничего. „Тррахъ!“ оглушило, засыпало пескомъ, въ ушахъ звонъ. Поднимаемся, смѣемся. „Слава Богу. Мимо!“—Хорошо ты, Бойко, угадываешь, куда нужно бѣжать. Если бы мы въ другую сторону бросились, то, чего добраго, задѣло бы.—Бойко смѣется. „Я его, шельмеца, далеко вижу. Онъ медленно тянетъ. Тоже вѣдь тяжело бѣдному. Махина!“ Пролетѣлъ еще одинъ тяжелый снарядъ. Разорвался подальше. „Ну, нѣмецъ, довольно, больше не стрѣляй!“ весело говоритъ Бойко. „Я Богу помолился, чтобы ты не стрѣлялъ. Пострѣлялъ и будетъ. Оставь, нѣмецъ! Спрячь свои чемоданчики“.

Добрались мы, наконецъ, до передового окопа. Высокая стѣнка съ высокими бойницами, обложенными мѣшками съ пескомъ. Передъ окопами только два переломанныхъ деревца. Одно безсильно склонилось надъ другимъ. Дальше нѣтъ деревьевъ. Только маленькіе ободранные пеньки еле-еле поднимаются отъ земли. „Сегодня у насъ съ нѣмцемъ ссора вышла“, разсказываетъ взводный 9-й роты Назарчукъ.—„Стали мы утромъ чай пить, а нѣмецъ разрывными своими пулями „пукъ да пукъ“. Попадетъ въ окопъ, песокъ завертится и прямо намъ въ чай. Ворчимъ мы. Озлились. Рѣшили написать нѣмцу письмо. „Не мѣшай, нѣмецъ, намъ чай пить. Тутъ ему по матушкѣ прибавили. Попадешься, зададимъ тебѣ перцу. Пиши отвѣтъ, нѣмецъ. Привязали къ письму камень и бросили къ нѣмцамъ въ окопъ. Тутъ совсѣмъ близко. Шаговъ тридцать только будетъ. Я взглянулъ въ бойницу.

Дѣйствительно, совсѣмъ передъ глазами возвышается высокій нѣмецкій окопъ.—„Долго не смотрите, а то стрѣлять сейчасъ будутъ. У нихъ винтовки пристрѣляны и закрѣплены прямо въ окошечко. Зазѣваешься и готово".—„Вонъ, вонъ, смотрите. Нѣмецкій шпицъ отъ каски виденъ. Идетъ нѣмецъ по окопу",—показываетъ наблюдатель.

Старый запасной солдатъ разсказываетъ, какъ онъ подстрѣлилъ вчера нѣмца. — „Гляжу я въ оконце, а нѣмецъ выглянулъ и спрятался. Опять выглянулъ. Я прицѣлился. Жду. Только показался онъ, я—„бацъ". Вижу, шапка слетѣла. Больше не показывался. Струсилъ, а, можетъ, и лобъ задѣлъ бѣдному". Дошли до пулемета. Въ окопчикѣ стоитъ онъ на стѣнкѣ. „Вчера, на этомъ самомъ мѣстѣ пулеметчика убило—Копылова Ивана". „Ну"?,—встревожился я. „Теперь ничего. Окопъ углубили и брустверъ повыше насыпали".—Пулька съ яростнымъ визгомъ ударилась вверху въ стѣнку окопа. Попала въ ружейную гильзу. Гильза скатилась внизъ окопа...

II.

На сотни верстъ тянутся окопы. Змѣятся извивами, выпираютъ впередъ выпученной грудью, вгибаются внутрь поджатымъ животомъ. То прячутся по опушкамъ лѣсовъ, то выбѣгаютъ на открытыя мѣста, и на десятки верстъ бугрятъ ровныя поля, нарытыми грядами земли. Смотришь откуда-нибудь съ мѣста повыше, и кажется, что на тысячахъ десятинъ роются подъ землею большіе кроты. Вдоль ряда рѣкъ берега, какъ швейною машиною прострочены узорами тѣхъ же нарытыхъ земляныхъ грядъ и отдѣльныхъ кучъ Лю-

дей не видать, а ружейная трескотня не смолкаетъ. День и ночь, утро и вечеръ,—гдѣ бы вы ни были,—вы непремѣнно справа или слѣва, а то и прямо передъ собою слышите: „пакъ-пакъ-пакъ“. „Па-а-а-къ-пакъ-пакъ“. Смолкнутъ въ одномъ мѣстѣ,—запакаютъ въ другомъ. Стихли тамъ,—прорвется въ третьемъ мѣстѣ мѣшокъ со свинцовымъ горохомъ, и на полчаса, на часъ, а то и больше защелкаютъ камышевки по натянутому боевому ковру. — „Та-та-та-та-та“. „Та-та та-та“. „Та-та-та-та“. Вдругъ гдѣ-то громко ухнетъ орудіе. Иной разъ одно, какъ будто спросонья у себя въ будкѣ гамкнулъ здоровый дворовый песъ.—„У-у-у-у!“—прокатилась по воздушнымъ рельсамъ чугунная телѣжка.—„Нѣмецъ икнулъ: кислаго чего-нибудь поѣлъ“,—лѣниво бормочетъ кто-то у насъ въ окопахъ.

Прошло десять минутъ,—гдѣ-то позади нашихъ окоповъ загрохотало орудіе, точно ударили деревянною колотушкой по днищу пустой бочки. Разъ... другой... третій... — „Бохъ-бихъ“. — „Наши закашляли“,—опять отъ нечего дѣлать вяло бурчитъ пѣхота.—Сидятъ всѣ въ землѣ. На десятки верстъ надъ полемъ ни одной головы. И у насъ, и у нѣмцевъ дежурные стрѣлки сквозь узенькія бойницы сторожатъ каждую точку, что высунется изъ окоповъ. Ружья прикрѣплены. Налажены на „козьихъ рожкахъ“: только нажми въ нужную секунду курокъ,—и точка въ чужихъ окопахъ кончена.

Такъ жизнь и идетъ вся подъ землею. Дежурные зорко слѣдятъ въ бойницы за непріятельскими окопами, а остальные сидятъ, томятся сутками. Пишутъ отъ бездѣлья письма. Пишутъ подолгу,

много и многимъ. Кто не пишетъ, снимаетъ съ себя по частямъ бѣлье и устраиваетъ облаву на „внутренняго врага".

III.

Погода съ начала января была мокрая, гнилая, и люди въ окопахъ съ головы до ногъ были мокры и въ грязи. Все спокойно. И нѣтъ ни часу покоя! Врагъ,—онъ тутъ вотъ подъ носомъ. Притаился, какъ голодный хищный звѣрь. Высматриваетъ каждую малѣйшую оплошность. Будь постоянно на сторожѣ. Только, напримѣръ, стемнѣло,—стрѣлять, значитъ, болѣе нельзя, люди сбились въ кучи, чтобы хоть другъ о дружку обогрѣться, да и отъ вѣтра укрыться. Мѣняются по очереди мѣстами: кому съ краю, на вѣтеръ, живою стѣною поперекъ окопа ложиться, кому счастливцемъ въ середку забраться. Справа за окопомъ болото, а за болотомъ лѣсъ, надъ самой рѣчкою. За лѣсомъ, верстъ черезъ пять, опять окопы. Съ тѣхъ и другихъ окоповъ высланы въ лѣсъ дозоры. Можно, кажется, спокойно спать. Спать въ холодной сырости, мокрыми кучами, отъ которыхъ изъ середки, какъ изъ проруби, иногда идетъ паръ. Улеглись, а спать еще не хочется: рано, до ночи далеко. Хорошо бы огонь развести, погрѣться вокругъ костра, хлебнуть горячаго чая,—нельзя: въ полуверстѣ непріятель.—„Такого тебѣ въ чай сахару насыплетъ, что и домой не вернешься!" Горячей провизіи также не подвезти: слушаютъ каждый скрипъ колеса, а то лошадь заржетъ. Чуть за окопами у насъ шелохнуло,—сейчасъ посыплются снаряды и будутъ рваться до утра.—„Ну, ихъ и

со щами,—машутъ рукою солдаты.—Очень ужъ крупную соль посыпаютъ на нихъ нѣмцы“. Молча жуютъ сухари. Тихо въ окопахъ!...

Близкое ли сосѣдство, или наступившее затишье создаетъ мѣстами между враждебными арміями почти дружеское отношеніе. Изъ нашихъ окоповъ бываетъ слышно въ тихія ночи почти все, что дѣлается у нѣмцевъ, какъ они гремятъ котелками, какъ разговариваютъ и кашляютъ. Смѣняются посты, хлюпаетъ вода подъ ногами. По утру начинаютъ колоть дрова, пилятъ бревна, качаютъ изъ насоса воду—все слышно. Слышно было однажды, какъ офицеръ провѣрялъ посты, и, видимо, всѣ караульные спали, такъ какъ понимающіе нѣмецкій языкъ могли разслышать, какъ онъ оралъ: „развѣ вы солдаты? Это стадо грязныхъ, вонючихъ свиней, а не солдаты, которые спятъ на посту“... При этомъ офицеръ ругался крѣпкими словами, и голосъ у него былъ пьяный... Ночью бываетъ тишина; другъ друга не тревожатъ, даютъ спокойно спать. А на утро, изъ переднихъ окоповъ показываются сѣрыя фигуры и машутъ касками и кричатъ—по нѣмецки: „доброе утро“, и наши земляки выучили это привѣтствіе и тоже по нѣмецки кричатъ „доброе утро“. Къ вечеру гремитъ перестрѣлка, а на утро опять „добраго утра“, и маханіе чайникомъ. Идите, молъ къ намъ въ гости...

IV.

У рѣки, раздѣляющей въ одномъ мѣстѣ наши окопы отъ нѣмецкихъ, произошла днемъ однажды довольно дружеская встрѣча нашихъ развѣдчиковъ съ нѣмецкими. Сошлись обѣ партіи у рѣки, но ни

тѣ, ни другіе рѣки перейти не рѣшались. Нѣмцы начали показывать знаками, чтобы наши повѣсили винтовки за спину, и сами сдѣлали тоже... Потомъ стали показывать на штыки—отвинтите, молъ, и штыки, но наши на это не согласились.—Еще за горло схватите...—Побоялись,—объяснилъ потомъ одинъ изъ развѣдчиковъ.—Вѣдь ихъ было шестеро, а насъ трое... Нѣмцы все время опасливо посматривали на штыки. Однако, одинъ изъ нихъ вытащилъ изъ коробки три папиросы и перекинулъ ихъ на нашу сторону. Наши не знали, какъ отблагодарить за эту любезность, но, наконецъ, догадались, и разыскавъ у себя въ карманахъ четыре куска сахару, кинули ихъ нѣмцамъ. Тѣ поблагодарили. Но потомъ чего-то испугались и заговорили на перебой, показывая рукой въ сторону своихъ окоповъ. Наши поняли, что идетъ ихъ офицеръ...

Сидѣть цѣлыми днями въ окопѣ, согнувшись, и слушать музыку пушекъ не такъ то весело. Поэтому, сплошь да рядомъ днемъ, въ минуты затишья, можно наблюдать такую картину. Вдругъ изъ германскаго окопа вылѣзаетъ солдатъ и начинаетъ ходить передъ траншеей, за нимъ другой, третій... Бродятъ вдоль окопа, о чемъ-то бесѣдуютъ, жестикулируютъ, нагибаются, что-то на землѣ ищутъ... Затѣмъ снова лѣзутъ въ окопъ. Цѣль превосходная, но наши солдаты не стрѣляютъ. Внимательно наблюдаютъ за дѣйствіями „германца", острятъ, даже хвалятъ „стервеца" за храбрость, и не стрѣляютъ... А затѣмъ кровь разогрѣвается и у нашихъ. Выскакиваетъ какой-нибудь Михрютка, изъ молодыхъ. „Ахъ онъ, такая-то его мать, пивное брюхо!.. Да чѣмъ я хуже его"!.. И лѣзетъ че-

резъ валъ окопа, неуклюже закидывая ноги, а у самого на скуластой физіономіи улыбка до ушей— и страшно, и пріятно... Кругомъ хохотъ и подзадориванья... Вылѣзъ. Горделиво осматривается и бредетъ вдоль окопа... Куражится надъ нѣмцемъ... А тѣ тоже спокойно наблюдаютъ изъ своихъ ямъ и смѣются. И ни одинъ не стрѣляетъ... Но такія благодушныя встрѣчи и благородство со стороны нашего врага встрѣчаются, къ сожалѣнію, не такъ уже часто.

На передовыхъ позиціяхъ.

I.

„Послали на передовыя позиціи", при этихъ словахъ, когда дѣло касается человѣка близкаго, какъ-то невольно сожмется сердце. Думается, что здѣсь сплошной адъ и мука. Но тѣ, которые сидятъ тамъ, кажется, меньше боятся, чѣмъ мы за нихъ.—„А страшно подъ пулями?" Офицеръ, исколесившій уже не одно поле битвы, крутитъ усы и улыбается. — „Ерунда!" „Ну, а все таки?" „Чушь, конечно. Еще въ первый разъ, пожалуй, жутковато, особенно въ началѣ, а потомъ привыкаешь"... Офицеръ на минуту замолкъ, должно быть вспоминая пережитое, и затѣмъ продолжалъ. „Да, знаете, откровенно говоря, во время дѣла и думать то некогда о всѣхъ этихъ пуляхъ, шрапнеляхъ. Только работать мѣшаютъ, жужжатъ, какъ назойливыя мухи; улетѣла одна, летитъ другая... Но привыкаешь и къ этому"...

Со многими боевыми офицерами приходилось говорить на эти темы, и каждый изъ нихъ поражаетъ этимъ „Привыкаешь"... Неужели человѣкъ и въ самомъ дѣлѣ можетъ привыкнуть ко всему... Даже къ смерти... Привыкли въ Польшѣ къ войнѣ, привыкли города, пригороды, деревни, села. Дѣти въ окопы носятъ молоко солдатамъ и отдаютъ безъ денегъ.—„То мама прислала,—пейте, а мы подождемъ. Послѣ возьмемъ посуду и пойдемъ. Пейте"... Говорятъ это такія маленькія дѣвочки и играютъ, стоя на корточкахъ, разбросанными стрѣлянными обоймами, собираютъ ихъ въ передники. Набираютъ цѣлые кувшины мѣдныхъ гильзъ и картонныхъ пачекъ отъ обоймъ и самыя обоймы собираютъ, опускаясь въ ямы окоповъ къ солдатскимъ ногамъ, смѣясь тамъ, гдѣ смерть носится и рѣетъ, ища себѣ страшнаго кроваваго пристанища. Солдаты имъ кричатъ:—„Ну, идите, идите, и спасибо!"—„Нема за цо"... тоненькими голосками, убѣгая, кричатъ солдатамъ польскія дѣти, и, подпрыгивая по кочкамъ, пересмѣиваясь, бѣгутъ къ деревнямъ, которыхъ черезъ часъ, или меньше, быть можетъ уже не будетъ на землѣ...

Но переходимъ въ наступленіе, и уже начинается настоящій адъ. Вотъ разсказъ одного раненаго офицера, объ этихъ минутахъ, а иногда и часахъ. Люди ложились, падали, вставали и не вставали... Помню, около плетня я сидѣлъ рядомъ съ солдатомъ... Разговаривали. Вдругъ слышу: „ой"! Раненъ въ кисть... Ползу по канавѣ. Вижу, впереди меня лежа стрѣляетъ солдатъ. Подползаю—уже готовъ... Держу путь дальше... . . . .
Одинъ разъ солдатъ кричитъ: „коло васъ ваше высокородіе", а съ боку шлепъ „стаканъ"... Про-

шла минута, и шагахъ въ трехъ отъ моего собесѣдника упалъ громадный осколокъ.—„Теперь коло тебя“, кричу ему.—„Эге“,—усмѣхается солдатъ.

Такія же впечатлѣнія передаетъ и другой очевидецъ. Что то ухало, стонало,—я уже не воспринималъ всѣхъ впечатлѣній. Къ утру, подъ сильнымъ непріятельскимъ огнемъ, мы отступили и заняли окопы, изъ которыхъ только вчера вышибли германцевъ. Отъ безпрерывнаго грохота звенѣло въ ушахъ. Я почти ничего не слышалъ. Голова отъ безсонной ночи, какъ налитая свинцомъ. Мучитъ томительная жажда, которую хочется утолить. . . . . Теперь уже грохочутъ съ двухъ сторонъ. Про насъ позабыли и стараются нащупать позицію артиллеріи.

II.

Справа у насъ непріятельская перебѣжка,—открываемъ учащенную стрѣльбу. Въ бинокль видно, какъ тыкаются ничкомъ бѣгущіе. Вотъ споткнулся цѣлый рядъ отъ нашего снаряда. Люди падаютъ одинъ на другого. А сзади набѣгаетъ новая людская волна и снова падаетъ. По командѣ бросаемся въ штыки. Бѣжимъ по открытому полю и застилаемъ его трупами. Вотъ уже совсѣмъ близко,—но каждый шагъ—шагъ къ смерти. Въ гущу людей врѣзаются драгуны, и видно, какъ сверкаютъ шашки, кони топчутъ людей. Германцы уходятъ отъ насъ. Мы настигаемъ ихъ по пятамъ и сжимаемъ съ двухъ сторонъ. Опять та же рѣчка. На плечахъ бѣгущихъ входимъ въ деревню. Жарко идти,—кругомъ все горитъ. Надъ нами такъ и воетъ свистъ пулеметныхъ пуль. Хриплые крики,

вой, гамъ, гулъ орудій... Трудно дышать отъ ѣдкаго дыма... Около меня прапорщикъ какъ то нелѣпо взмахнулъ руками, перевернулся и грудью впередъ рухнулъ на землю. Наклоняюсь надъ нимъ, и въ этотъ моментъ кто то сильнымъ ударомъ въ бокъ сшибъ меня съ ногъ. Хочу приподняться,— какая то тяжесть не позволяетъ. Солдатъ подхватываетъ меня за плечи и тащитъ въ сторону...

Уже вечерѣло... Измученные солдаты намѣревались отдохнуть, хотя нѣсколько часовъ, чтобы снова встать бодрыми и снова отражать врага. Вдругъ, вдали показалась нѣмецкая пѣхота; наши солдаты, озлобленные непрерывными непріятельскими атаками, схватились за оружіе и готовы были сейчасъ же броситься на приближающагося врага. Въ это то время оказала намъ громадную услугу присланная въ подмогу легкая батарея, открывшая теперь убійственный огонь по непріятелю. Цѣлыми десятками и сотнями падали нѣмцы подъ огнемъ нашихъ орудій, но, несмотря на это, они медленно и упорно двигались впередъ. Уже не болѣе, какъ двѣсти шаговъ отдѣляло насъ отъ врага, и наши солдаты готовились выскочить изъ окоповъ и броситься на непріятелей въ штыки.

Вдругъ, мы увидѣли бѣлый флагъ (знакъ сдачи), выкинутый врагами, и наша батарея прекратила свой убійственный огонь. Между тѣмъ, нѣмцы остановились, и изъ ихъ среды отдѣлился офицеръ съ двумя солдатами; навстрѣчу ему вышелъ, также въ сопровожденіи двухъ солдатъ, нашъ командиръ полка. Но не успѣлъ онъ приблизиться къ вражескому офицеру, какъ тотъ выхватилъ револьверъ, и послѣ двухъ его выстрѣловъ, русскій

генералъ упалъ мертвымъ, обливаясь кровью. Такимъ предательскимъ пріемомъ нѣмцы думали вызвать замѣшательство. Однако одинъ находчивый унтеръ-офицеръ взялъ на себя команду и повелъ насъ на враговъ; намъ теперь легко было побѣдить нѣмцевъ, такъ какъ большая часть ихъ была перебита при приближеніи къ нашимъ окопамъ. Вражескій офицеръ, коварно убившій нашего командира, палъ изъ первыхъ: солдаты подняли его на штыки, мстя за убійство своего любимаго начальника. Черезъ полчаса не осталось ни одного нѣмца; болѣе тысячи ихъ погибло въ этой безразсудной атакѣ...

III.

Подъ утро перестрѣлка стала стихать, умолкли пулеметы, а затѣмъ перестала стрѣлять и германская артиллерія. Замолчали и наши. И восходъ солнца совершился при полной, странно необычной тишинѣ... Насталъ рѣдкій день совершеннаго затишья. Тишину запорошенныхъ первымъ снѣжнымъ покровомъ полей прервалъ только грохотъ колесъ длинныхъ вереницъ обозовъ и артиллеріи. Окопы отдыхали. За весь день не раздалось ни одного выстрѣла. Наши солдаты занялись чинкой платья, офицеры забавлялись съ маленькимъ щенкомъ, случайно забѣжавшимъ и обосновавшимся въ окопѣ... Щенокъ получилъ выразительное имя „Вилли“ (Вильгельмъ) и сталъ общимъ любимцемъ. День тянулся медленно, и было скучно. Отъ нечего дѣлать наблюдали за нѣмцами... А у тѣхъ въ окопахъ было громадное оживленіе. Видно было, какъ во всѣхъ направленіяхъ шмыгали каски, что то

разносили и приготовляли. Тамъ какъ будто позабыли о войнѣ и нами совершенно не интересовались. Около полудня изъ нѣмецкихъ окоповъ вылѣзло нѣсколько солдатъ съ бѣлыми флажками въ рукахъ и стали прогуливаться вдоль траншей, размахивая флагами...

За недѣли „позиціонныхъ“ боевъ люди до того привыкаютъ къ неустанному грохоту пальбы, пишетъ офицеръ Окуневъ, что, буквально, не слышатъ уже ея. И когда ревъ гаубицъ смѣняется трескотней пулеметовъ, которая все же можетъ оглушить свѣжаго человѣка, солдатъ Кирилловъ, человѣкъ саженнаго роста, мохнатый и звѣроподобный, но добродушный и склонный къ чувствительности, подымаетъ голову и спрашиваетъ: „чтой-то, землячки, тихо стало. Аль пойти за водой?“ Отсутствіе воды — это наше несчастье. Во время длительной перестрѣлки, отъ напряженія или отъ чего другого, въ горлѣ пересыхаетъ и мучительно хочется пить. Манерка скоро опорожняется, а колодецъ находится саженяхъ въ тридцати отъ насъ, между нашими окопами и непріятельскими. И вотъ Кирилловъ медленно неуклюжей походкой, съ ведромъ въ рукахъ, идетъ къ колодцу, даже не кланяясь встрѣчнымъ пулямъ, которыя „идутъ густо“, сплошнымъ роемъ.—„Ложись, дурень. На животѣ ползи“,—кричатъ ему изъ траншеи. Онъ останавливается, поворачиваетъ голову и отвѣчаетъ:— „Брюхо-то свое, не казенное. Неровенъ часъ—попортишь“. И той же медлительной походкой съ развальцемъ идетъ дальше.

IV.

Жизнь на передовыхъ позиціяхъ богата всевозможными боевыми приключеніями, особенно, когда отрядъ передвигается впередъ. Всего того, что было опубликовано очевидцами въ печати, не перечтешь. Отмѣтимъ, однако, нѣкоторые характерные случаи. Любопытное происшествіе изъ жизни на передовыхъ позиціяхъ разсказано въ книгѣ Окунева. Во время нашего перехода къ Стрыю случилось такъ, что нашъ отрядъ, обманутый ложными движеніями непріятеля, попалъ въ засаду. Уходить было некуда. Пришлось засѣть въ камыши на берегу рѣчки и отстрѣливаться. Насъ было легко выбить отсюда атакой, но непріятель на нее почему-то не рѣшался: очевидно, онъ считалъ, что насъ значительно больше, чѣмъ сто человѣкъ. Онъ предпочелъ обстрѣливать насъ съ высоты пулеметнымъ огнемъ. Дѣло было скверно. Двое изъ насъ были убиты, офицеръ былъ раненъ въ ногу, запасъ зарядовъ изсякалъ, а ихъ было значительно больше, да еще съ пулеметомъ. Вдругъ вольноопредѣляющійся З—въ, котораго считали человѣкомъ робкимъ, потому что въ бою онъ блѣднѣлъ, какъ смерть, а въ атакѣ отставалъ, обратился къ раненому командиру: „позвольте мнѣ взять двадцать человѣкъ и обойти непріятеля“. Тотъ широко открылъ глаза: какимъ образомъ. Съ какой цѣлью? Однако, махнувъ рукой, разрѣшилъ. З—въ со своимъ отрядомъ поползъ по берегу рѣки. Шаговъ около трехсотъ они ползли въ камышахъ, потомъ свернули по направленію къ непріятельской позиціи. Не прошло и десяти минутъ, какъ совершилось

нѣчто невѣроятное. Въ тылу у непріятеля затрещала ружейная стрѣльба, непріятельскій пулеметъ вдругъ сползъ внизъ съ пригорка въ низину и, повернувъ жерло къ непріятелю, сталъ „жарить“ его. Мы ничего не понимали: ни того, почему непріятель вдругъ оставилъ позицію, ни тѣмъ болѣе того, что случилось съ пулеметомъ. Мы бросились къ холму. Тамъ были наши: З—въ и двадцать его товарищей—всѣ цѣлы. Смертельно блѣдный З—въ робко и скромно доложилъ, какъ было дѣло. Они пробрались вплотную въ тылъ непріятеля и раздѣлились на два отряда по десяти человѣкъ. Одинъ отрядъ открылъ пальбу почти въ упоръ въ спину австрійцевъ, а другой бросился къ орудію, перебилъ прислугу, мгновенно скатилъ его по склону холма внизъ и, повернувъ пулеметъ, началъ обстрѣлъ непріятеля изъ его же орудія.

Во время первыхъ боевъ подъ Томашевымъ произошло событіе, о которомъ много говорили въ нашей арміи,—много, думаю, и у австрійцевъ. Шла перестрѣлка. Наши войска и австрійскія сидѣли въ окопахъ. Внезапно, на гребняхъ одного австрійскаго окопа появляется толпа въ нѣсколько сотъ человѣкъ и, бросивъ свои винтовки, бѣглымъ шагомъ направляется къ намъ съ поднятыми руками. Опѣшили мы, опѣшили и австрійцы. Огонь прекратился съ обѣихъ сторонъ. Лишь гдѣ то въ дали гремѣла канонада. Прошло нѣсколько мгновеній,—австрійскіе окопы ожили. Бѣшено затрещали австрійскіе пулеметы. Тысячи пуль понеслись вслѣдъ бѣглецамъ. Несчастные метались во всѣ стороны, бросались на землю. Опять бѣжали. Но ничто не помогло. Ни одинъ изъ нихъ не достигъ нашихъ

окоповъ. Всѣ были перебиты австрійцами. Потомъ выяснилось, что это былъ какой то чешскій батальонъ, сговорившійся перейти на сторону русскихъ.

Атака.

I.

То, что называютъ атакой, есть самое страшное, кровавое въ бою; но описать это трудно, ибо атака также разнообразна, какъ разнообразны условія мѣстности и силы противника. Вотъ обычная картина атаки въ обстановкѣ современнаго боя.—Глубокіе окопы буграми сюда—это нѣмецкіе. Нѣмецъ рылъ себѣ прочную ограду. Думалъ: надолго. Передъ ними окопы разбросанные,—на двоихъ канавка, на пятерыхъ, на одного, полукругомъ, прямо, ломаными линіями: то—наши окопы; выбивъ нѣмца изъ одного лѣса, наши должны были залечь, когда нѣмцы отбѣжали въ заранѣе готовые окопы въ другомъ лѣсу. Отдѣляетъ противниковъ другъ отъ друга поляна въ версту, полторы. Мѣсто открытое, — прямо не перебѣжишь: смоютъ хоть полкъ ружейнымъ и пулеметнымъ огнемъ. Выбѣгаютъ впередъ одиночками. Выскочатъ двое, трое, пятеро: тамъ, здѣсь, съ середины; пробѣгутъ согнувшись,—и на землю. Лежитъ и роется. Нарылъ кучку передъ головою, роетъ съ боковъ, подъ собою. Всѣмъ уже тѣломъ ушелъ въ землю. Нѣмецъ сѣчетъ пулями. Свинецъ свиститъ поверху. Кажется, надъ твоею спиною, и хочется глубже уйти въ землю. Лопатка такъ и ходитъ

сама. Врылся человѣкъ на аршинъ, сталъ на колѣни и самъ ужъ начинатъ стегать нѣмцевъ свинцовымъ кнутомъ.—Стерегись, господинъ!

За первыми выбѣгаютъ другіе. Десяткомъ цѣлой цѣпью. Пробѣгутъ и опять ничкомъ на землю. Сотнею кнутовъ стегаютъ нѣмца въ лѣсу. Тамъ стали осторожнѣе, изрѣдка высовываются стрѣлять, а если и высовываются, то пальба уже спѣшная, безъ выдержки. Черезъ головы. Свинца летитъ много, а раненыхъ и на сотню нѣтъ одного. Недаромъ самъ Наполеонъ, знатокъ военнаго дѣла, говорилъ: чтобы убить одного врага, надо на него истратить столько пудовъ свинца, сколько вѣситъ убитый. Какъ же иначе? Выглянешь если самъ, чтобы хорошенько прицѣлиться,—влѣпятъ пулю тебѣ. Хочешь стрѣлять въ бѣгущаго, а онъ уже легъ. Вмѣсто него бѣгутъ за сто саженъ въ сторону другіе. Ружье пляшетъ въ рукѣ. Пляшетъ отъ волненья, скачетъ отъ быстрой смѣны цѣли.

Нашимъ, окопавшимся во второй линіи на полянѣ, также долго лежать не приходится. Всѣ волнуются, собою вполнѣ уже не владѣютъ. Настроенія мѣняются и могутъ быть разнообразныя. Чтобы не дать силы свисту пуль—офицеры подбадриваютъ. Шутятъ:—„Пожалуй, такъ, вѣдь, и задремлешь, ребята, лежа тутъ... Что же мы въ горохъ, что ли, пришли на брюхѣ лежать? Айда, молодцы“!.. Опять перебѣжка, теперь ужъ до ста—полутораста шаговъ подъ носомъ у непріятеля. Слышна команда тамъ за деревьями. Руки устали, въ вискахъ ломитъ, но опять роютъ себѣ канавки, а лопатка, какъ челнокъ на ткацкомъ станкѣ, ходитъ и ходитъ...

Вотъ разсказъ другого очевидца. Здѣсь, по

условіямъ боя, пришлось брать непріятельскіе окопы быстро, въ лобъ... -Приказали намъ выбить штыками австрійцевъ изъ окоповъ. А разстояніе между нами было шаговъ семьсотъ. Выскочили мы изъ своихъ окоповъ, разсыпались и побѣжали къ нимъ. Бѣжимъ и людей теряемъ... Они въ насъ изъ винтовокъ и пулеметовъ жарятъ. Прямо свинцовый дождь! А мы безъ выстрѣла... Подбѣжали, и ужъ рѣденько стало въ нашихъ рядахъ. Закричали „ура“ и къ нимъ въ окопы со штыками. А они, поганцы, настрѣлявшись досыта, бросили винтовки, вынули бѣлые флажки, и смирехонько стоятъ, словно невинные агнцы. Точно стрѣляли въ насъ не они. И такая насъ злость тогда взяла... Всѣ семьсотъ шаговъ только и пылали наши сердца местью. И не пришлось отомстить.

II.

Атака—это самый ужасъ войны, но она представляетъ и моментъ величайшаго воодушевленія. Два яркихъ описанія атаки находимъ въ книжкѣ участника боевъ, Я. Окунева.

— „Въ атаку! Сердце бьется сильно, вотъ-вотъ выскочитъ изъ груди. Холодный потъ катится по лбу, а ноги сами несутъ въ огонь, среди рвущихся снарядовъ. Маленькаго роста барабанщикъ бѣжитъ рядомъ и старательно отбиваетъ дробь. Стараясь перекричать грохотъ орудій, топотъ, звонъ, свистъ, онъ во все горло оретъ... Кричатъ всѣ, и каждый свое, потому что не кричать нельзя: надо перекричать страхъ. Что-то мягкое подъ ногами. Запнулся и упалъ. Это унтеръ-офицеръ Филипповъ. Раненъ въ грудь. Хрипя извиваясь, онъ силится ползти впередъ.

Даже здѣсь, въ этомъ бѣшеномъ налетѣ, сказывается характеръ человѣка. Великанъ Кирилловъ бѣжитъ, размахивая прикладомъ, хотя некого еще пока бить, и кричитъ: „Ну-ка, вылазь!“— Лаптевъ, нагнувъ голову, мчится впередъ, не разбирая дороги. Онъ робокъ, немного даже труслив, но стоитъ ему дорваться до первыхъ рядовъ непріятеля, какъ онъ свирѣпѣетъ и, забывъ о страхѣ, крушитъ и ломитъ. Спокойный Сокольскій не размахиваетъ руками безъ толку, не кричитъ, не мечется изъ стороны въ сторону.

Непріятель бросился въ контръ - атаку у самаго городка, пылающаго со всѣхъ сторонъ. Теперь страхъ прошелъ. Руки сами кололи, били, а въ головѣ была только одна мысль: прорваться. Преодолѣлъ мягкое препятствіе подъ штыкомъ, вырвалъ его—и дальше,—и снова тыкаешь его во что-то мягкое, стараясь не думать. Кирилловъ давно бросилъ винтовку. Онъ дерется, по обыкновенію, кулаками. Обнялъ дюжаго австрійца, стиснулъ его такъ, что у того кости затрещали, и ухнувъ, швырнулъ его о земь. Бросился на другого, свалился съ нимъ и душитъ его, пыхтя и ругаясь. Какой-то бородатый венгерецъ съ дикимъ, перекошеннымъ лицомъ, сверкая глазами, бросился на поручика В., нашего полуротнаго. Тотъ отскочилъ въ сторону и, размахнувшись изо всей силы шашкой, рубанулъ венгерца. Шашка разрубила голову до подбородка и сломалась.

Подошедшая съ тыла колонна полковника С—скаго ударила на задніе ряды сражавшагося съ нами непріятеля. Стиснутый съ обѣихъ сторонъ, онъ дрогнулъ и бросился влѣво, къ лѣсу, гдѣ его

ждалъ N-скій полкъ. Не преслѣдуя непріятеля, мы вошли въ городокъ З.

III.

Когда лежишь на мѣстѣ, за прикрытіемъ, страшно тогда. Обыкновенное человѣческое малодушіе, трусость заполняютъ все твое существо; холодная, колючая дрожь пробѣгаетъ по спинѣ.— Думаешь безпрестанно:—а вотъ убьетъ, вотъ попадетъ, но, стоитъ только подняться, выйти въ открытое поле, гдѣ стоишь лицомъ къ лицу съ ужасомъ и смертью, гдѣ свинцовый ураганъ сметаетъ цѣлыя колонны, стоитъ только услышать команду: „въ атаку!“, какъ страхъ мгновенно уступаетъ мѣсто новому чувству, большому, красивому чувству одушевленія, порыву, восторженности. Голова слегка кружится, какъ отъ вина; сердце замираетъ и бьется, ноги сами бѣгутъ впередъ, руки сами стрѣляютъ, рубятъ, колютъ, изъ груди рвется крикъ: „ура“ или что-то другое, восторженное—не разберешь, не поймешь. И падаютъ, и умираютъ съ этимъ крикомъ на устахъ, не чувствуется боли, ранъ, страха смерти! Счастливые мертвецы!..

— „Ряды вздвой“!—Среди свинцоваго урагана мы вздваиваемъ ряды и мѣрнымъ шагомъ идемъ впередъ, какъ на смотру: лѣвой-правой, лѣвой-правой! Барабанщики съ сосредоточеннымъ вниманіемъ отбиваютъ дробь, гдѣ-то играетъ полковая музыка, а надъ нами завываетъ шрапнель, звенятъ пули, рвутся бомбы, и грохотъ бѣшенной канонады сотрясаетъ семлю. Съ холма, изъ лѣса, со всѣхъ сторонъ на насъ мчится непріятельская конница.—Атака. Подъ споштымъ огнемъ мы живо

перестраиваемся и бѣжимъ навстрѣчу въ контръатаку. Сердце дрожитъ и учащенно бьется, дыханіе захватываетъ отъ страннаго восторга, и что-то кричишь, самъ не знаешь что, а мысль настойчиво вторитъ одно: „добѣжать-бы! „добѣжать-бы! „Наши ряды рѣдѣютъ и снова смыкаются. Рыжій ярославецъ, бѣжавшій рядомъ со мною, присѣдаетъ на землю, роняетъ винтовку и хватается обѣими руками за животъ. Я вижу его только одно мгновенье и оставляю его въ стремительномъ бѣгѣ позади себя. Некогда думать, некогда чувствовать. Ноги сами несутъ впередъ, грудь сама рвется на синюю колонну непріятеля и, не добѣжавъ еще, далеко назадъ откидываешь руку съ винтовкой, дѣлаешь широкій размахъ и колешь быстро и сильно пустоту.

„Спаси. Го-ос...“ —доносится изъ переднихъ рядовъ:—„поди, лю-у-ди Твоя!“—подхватываютъ задніе ряды. И въ лицо непріятелю, мчащемуся во весь опоръ на насъ, мощнымъ раскатомъ несется: „и благослови достояніе Твое!“ Сначала поетъ передовая шеренга, потомъ вливаются новые и новые голоса, молится весь полкъ, вся дивизія, вся колонна, ринувшаяся потокомъ на врага. И кажется, будто раненые, изуродованные, умирающіе, покрывшіе поле сраженія, поютъ вмѣстѣ съ нами, вкладывая послѣдній вздохъ свой въ полныя вѣры слова. Да, да, это правда. И я, невѣрующій интеллигентъ, чувствую, какъ я перестаю быть самимъ собою, личностью, сознательной человѣческой единицей. Я, и всѣ мы—одно тѣло, не разъединимое, неразрывное цѣлое. И одинъ мощный законъ повелѣваетъ нами всѣми, и одно сердце, а не тысячи сердецъ, бьется во всѣхъ насъ.

IV.

Такъ же описываютъ эти ужасныя минуты и другіе участники атакъ.

Вотъ разсказъ ротнаго командира.—Прямо противъ насъ, шагахъ въ трехстахъ — германскіе окопы; во флангѣ ихъ, ближе къ намъ,—ихъ пулеметъ. Надъ полемъ ползетъ совсѣмъ низко туманъ, и дальніе холмы кажутся покрытыми снѣгомъ. Артиллерія зловѣще примолкла, и только винтовки продолжаютъ „такать“. Продвигаю роту впередъ. Хочу скомандовать, но какая-то боязнь сдавливаетъ горло: а вдругъ скомандую слишкомъ громко, или слишкомъ тихо,—рота не услышитъ.

— „Рота, слушай меня! Братцы, не отставайте отъ своего командира! „Ура“! „Ура“!

Бѣжимъ по кочкамъ, пнямъ. Высоко поднимаю ноги, чтобы не споткнуться. Тяну свой флангъ правымъ плечомъ. Какъ изъ подъ земли выростаетъ вражеская стѣна.—Сшиблись. Хрипъ, стонъ, учащенное человѣческое дыханіе, отдѣльные какіе-то дикіе возгласы. Вздымаю и опускаю шашку разъ за разомъ.

Рядомъ ефрейторъ Степановъ бьетъ прикладомъ, какъ тараномъ. Смѣшалось все въ кучу. Какъ будто люди тонутъ и машутъ руками, стараясь спастись. Подъ ногами чувствую трупы людей. Подаюсь все впередъ и впередъ. Флангъ мой зашелъ уже и охватилъ позицію пулемета. То бѣжимъ нѣсколько шаговъ свободно, то снова натыкаемся на живую стѣну. Кругомъ себя вижу вмѣсто роты кучку людей. Уперлись въ рѣчку, захватили мостъ, отрѣзавъ отступленіе. Подъ на-

поромъ нашихъ, германцы подаются и наваливаются на насъ. Передо мной нѣсколько стрѣлковъ, сбросивши все съ себя, безъ шапокъ, ухватившись за стволы ружей, со страшной силой наносятъ удары по головамъ, какъ палицами... Поле битвы за нами. Взято два пулемета; другіе трофеи подсчитывать нѣтъ времени...

Атакѣ на укрѣпленныя позиціи предшествуетъ подготовка... Приходилось готовиться къ атакѣ исподволь. Ночью смѣльчаки, которыхъ набиралось до ста человѣкъ, отправлялись рѣзать проволоку. Устройство проволочныхъ загражденій у нѣмцевъ замѣчательно. Представьте себѣ три ряда высокихъ толстыхъ кольевъ, переплетенныхъ между собою въ шахматномъ порядкѣ и наискось колючей проволокой, въ палецъ толщиной. Наши осторожно спускались внизъ, ползли до загражденій, ложились на спину и ножницами перерѣзали проволоку. Одновременно и оттуда спускались развѣдчики и стучали палочками по проволокамъ. Если звукъ заглушенный, то давали знать своимъ, взвивались свѣтящіяся ракеты, разрывались на 5—6 саженяхъ и освѣщали огромную площадь яркимъ свѣтомъ, такъ что у насъ можно было читать. По нашимъ открывалась стрѣльба, отвѣчали и мы. Между прочимъ, было замѣчено, что нѣкоторыя загражденія могутъ сдвигаться и оставлять свободный проходъ. Все это потомъ, когда пошли въ атаку, конечно, учли.

Приведемъ въ заключеніе примѣръ особенно настойчивой атаки поручика Ермолаева. Поручикъ

Ермолаевъ, ночью съ 19-го на 20-е февраля, у селенія Хмѣль, раздѣливъ свою роту на двѣ части, устроилъ засаду, скрытно окопавшись въ кустахъ у обрыва Сана, куда люди проползли подъ пулеметнымъ огнемъ противника. Въ полночь около двухъ ротъ непріятеля начали переправляться черезъ Санъ. Давъ возможность всѣмъ переправиться, Ермолаевъ—съ одной стороны, подпрапорщикъ Сѣриковъ—съ другой, увлекая личнымъ примѣромъ роту, ударили въ штыки, перекололи больше ста человѣкъ и взяли въ плѣнъ 35, остатки австрійцевъ бѣжали за Санъ. Днемъ 20-го февраля противникъ, подъ прикрытіемъ огня двухъ своихъ гаубичныхъ батарей, переправился на нашъ берегъ у Хмѣля въ количествѣ около трехъ ротъ. Рота поручика Ермолаева, утомленная предшествующей ночной атакой и цѣлый день ведшая стрѣлковый бой, находясь подъ разстрѣломъ непріятельскихъ мортиръ, первая вызвалась со своимъ ротнымъ командиромъ отбросить противника на тотъ берегъ совмѣстно съ другими тремя ротами того же полка. Рота поручика Ермолаева, лично имъ увлекаемая, дважды атаковала противника. Но атаки были отбиты. Ночью поручикъ Ермолаевъ сбросилъ съ себя верхнюю теплую одежду, оставшись налегкѣ. Въ одной походной рубахѣ, увлекая за собой роту, а за ней весь баталіонъ, поручикъ Ермолаевъ третій разъ атаковалъ противника. Несмотря на большія потери въ ротѣ, поручикъ Ермолаевъ овладѣлъ непріятельскими окопами и перекололь противника, взявъ 37 человѣкъ въ плѣнъ, а остатки обратилъ въ бѣгство.

Артиллерія въ бою.

I.

Въ условіяхъ современной войны артиллерія, ея качества и работа имѣютъ величайшее значеніе. Ружейный огонь дѣйствителенъ только на сравнительно близкомъ разстояніи, и пока непріятель подойдетъ на это разстояніе, пѣхота можетъ быть приведена въ полное разстройство поддерживающимъ атаку противника артиллерійскимъ огнемъ. Значеніе артиллеріи двоякое. При оборонѣ артиллерія отражаетъ наступающую пѣхоту непріятеля и противодѣйствуетъ непріятельскому артиллерійскому огню, стараясь открыть и подбить батареи противника. При наступленіи артиллерія играетъ также первостепенную роль. Военное инженерное искусство теперь имѣетъ возможность въ короткій срокъ такъ укрѣпить любую случайную позицію, что безъ обстоятельной артиллерійской подготовки ее нѣтъ никакой возможности взять атакой. Чѣмъ сильнѣе позиція, тѣмъ важнѣе и необходимѣе работа артиллеріи для того, чтобы взять ее.

Пѣхота прекрасно знаетъ, какую важную опору составляетъ для нея артиллерія. Когда передовыя цѣпи, наступающія на непріятеля, услышатъ за собою грохотъ пушекъ, солдаты вдругъ преображаются, какъ будто къ нимъ прибавилось еще столько силъ, сколько было до сихъ поръ. Какъ только подъ мѣткими выстрѣлами нашей артиллеріи начинаетъ ослабѣвать орудійная стрѣльба съ непріятельской стороны, солдаты вдругъ начинаютъ рваться въ атаку, чувстуя, что непріятель

теряетъ силу и подается. Съ самаго начала войны наша пѣхота не могла нахвалиться дѣйствіемъ своей артиллеріи. Гдѣ она появится, поработаетъ часъ—другой, тамъ непріятельскія силы видимо таютъ, какъ снѣгъ. Скоро стали появляться и въ печати воюющихъ съ нами державъ блестящіе отзывы о дѣйствіяхъ нашихъ артиллеристовъ.

Отмѣчались, и австрійскими, и германскими командирами, главнымъ образомъ два удивительныхъ свойства русской артиллеріи. Это, во-первыхъ, умѣнье хорошо прятать мѣсторасположеніе пушекъ, а затѣмъ, удивительная мѣткость прицѣла. У убитыхъ германскихъ и австрійскихъ офицеровъ неоднократно находили дневники, въ которыхъ они записывали для памяти свои наблюденія за дѣйствіями русской артиллеріи. Въ этихъ дневникахъ обычна жалоба на то, что русскіе такъ прячутъ свои батареи и наблюдательные пункты, съ которыхъ направляютъ стрѣльбу и устанавливаютъ прицѣлъ, что въ рѣдкихъ только случаяхъ удается открыть мѣсторасположеніе батарей и ослабить ихъ огонь. Относительно прицѣла русской артиллеріи и у непріятеля, и у насъ создаются цѣлыя легенды. „Стоитъ только выѣхать на позицію непріятельской (т. е. русской) батареѣ,—писалъ въ дневникѣ одинъ плѣнный австрійскій офицеръ,—какъ наша пѣхота начинаетъ неимовѣрно страдать отъ огня". Но, разумѣется, мнѣнія и наблюденія непріятеля для насъ еще долго останутся тайной. Къ намъ попадаютъ только случайныя, отрывочныя замѣчанія. Гораздо обильнѣе свѣдѣнія со стороны своихъ же пѣхотныхъ частей.

Нѣкоторые командиры батарей создаютъ около

себя цѣлыя сказанія. Одного такъ и прозвали и друзья и недруги „счастливчикомъ". Вотъ описаніе работы этого „счастливчика", которое можно счесть характернымъ описаніемъ работы нашей артиллеріи вообще. Батарея отличается удивительно счастливымъ попаданіемъ. Сообщаютъ командиру батареи откуда нибудь изъ сосѣдней части: „страдаемъ сильно отъ непріятельскаго огня. Усмирите. Находимся тамъ-то. Снаряды летятъ съ такой то стороны". „Счастливчикъ" беретъ карту. Находитъ мѣсто и положеніе страдающей своей части, вычисляетъ разстояніе и направленіе поражающаго огня и командуетъ; „бусоль столько-то, прицѣлъ столько-то, трубка столько-то". Двѣ три очереди,—и непріятельскій огонь смолкаетъ. Батарея „счастливчика", значитъ, накрыла врага, и тотъ поспѣшилъ убраться, если только не оставилъ орудія подбитыми.

II.

Гдѣ-то далеко сидитъ командиръ и по проводу, который кидался на землю вслѣдъ за нимъ, начинаетъ спокойно: „граната столько-то, столько-то. Плюсъ, минусъ, два дѣленія право, два дѣленія лѣво". Все, видимо, пробуетъ, щупаетъ. Вдругъ попалъ, и слышится: „по пѣхотѣ шрапнелью бѣглый огонь". И, кажется, что вмѣстѣ со снарядомъ самъ прыгаетъ сверху на плечи непріятелю и начинаешь его трепать и рвать на клочки. Солдаты также возбуждены, работаютъ съ жаромъ. Горятъ. Ни на какомъ самомъ торжественномъ смотру нѣтъ такой ловкости и точности въ работѣ, какъ теперь. Ни одного лишняго движенія, никакой заминки.

Разъ попали,—боишься упустить каждую лишнюю минуту. Шлешь, шлешь, и шлешь шрапнель на голову непріятеля. Тутъ по телефону новая команда: „прицѣлъ 130... 135... 140... 145... 150...“ Вся кровь бросается въ голову. Сидишь гдѣ-то въ ямѣ и чувствуешь, видишь, что непріятель, гдѣ то далеко отъ тебя, дрогнулъ отъ твоихъ снарядовъ и бѣжитъ, и что въ догонку за нимъ удлиняютъ шагъ и твои снаряды. „Остановить огонь“,—слышится далѣе и начинаетъ щемить внутри,—значитъ наши врѣзались въ бѣгущаго врага.

А то бываетъ и такъ, что цифры обратно уменьшаются: 145... 140... 135... 130... Это значитъ,—непріятель подвигается. Телефонятъ сосѣднимъ батареямъ: соединить огонь по такому-то мѣсту. И тутъ тогда уже адъ творится на мѣстѣ обстрѣла, надъ головами бьются другъ о друга сотни стальныхъ молотовъ. Вой, визгъ, лязгъ, трескъ и гудѣніе. Подъ ногами трясется. Кажется, что стонутъ воздухъ и земля. Принимая участіе въ обстрѣлѣ, пьянѣешь. Этимъ опьянѣніемъ, временнымъ притупленіемъ сознанія, только развѣ и можно объяснить, что люди еще могутъ выносить подобныя сраженія, оставаться и послѣ нихъ со здравымъ разсудкомъ. Умудрялись засыпать подъ вой и скрежетъ тысячи орудій... У насъ артиллерійская дуэль съ непріятельской батареей впереди,—мы подбили тамъ уже два орудія,—вдругъ сзади телефонятъ: „обошла нѣмецкая конница, идетъ густо,—отходимъ“. Конница налетѣла неожиданно и смяла нашу пѣхоту. Пока телефонили командиру, она уже прямо на насъ. Командиръ не потерялся, сообразилъ и командуетъ: „спокойно, на мѣстѣ. Трубку на картечь“. Это мы уже прямо

въ лицо, въ упоръ плюнули конницѣ. Лошади, какъ подкошенныя, мордами въ землю. Люди черезъ головы лошадей. Задніе на нихъ, куча, каша изъ живыхъ и мертвыхъ, а командиръ телефонитъ; „картечь, бѣглый огонь".—Всѣхъ въ смятку, никто не доскакалъ до нашихъ орудій.

III.

Не менѣе губительно, чѣмъ огонь орудій, дѣйствіе пулеметовъ, этихъ маленькихъ машинокъ, при помощи которыхъ въ минуту выбрасывается на непріятеля нѣсколько сотъ пуль. Вотъ какъ описываетъ раненый офицеръ дѣйствіе этихъ помощниковъ пѣхоты. „Непріятельская цѣпь ближе и ближе. Подошли на мою мѣру,—я какъ плюну въ нихъ свинцомъ: тамъ даже закричали отъ неожиданности. Повалились, и ни одинъ головы не поднимаетъ,—всѣ прилипли къ землѣ, онѣмѣли. Въ такихъ случаяхъ пулеметы сильнѣе дѣйствуютъ даже страхомъ, нежели нанесеніемъ ущерба врагу. Непріятель совершенно теряется, натолкнувшись на наше угощеніе. Зато наши, какъ спрыснутые живой водой, оживаютъ. Позади насъ лѣсъ быстро наполнился топотомъ ногъ: бѣжали сюда стрѣлки. Издали кричатъ: „еще, еще пулеметомъ".—„Ни выстрѣла болѣе",—кричу своимъ. Подходятъ пѣхотные офицеры, просятъ: „хватите по цѣпи еще разокъ". „Меня нѣтъ болѣе,—отвѣчаю.—Ведите вы перестрѣлку. Я же буду ждать своей минуты".

Началась ружейная дуэль. Наши не били по лѣсу снарядамъ, чтобы не ударить по своимъ. Нѣмцы также. Шла только частая ружейная пальба. Такая частая, что похоже было, какъ

будто кипитъ вода въ большомъ—большомъ котлѣ. Нѣмцы почуяли, что нашихъ въ лѣсу не болѣе батальона, и задумали выбить насъ отсюда. Вызвали полкъ. По полю на нашъ лѣсъ, къ мосту стали надвигаться густые черные ряды. „Пулеметомъ, пулеметомъ ихъ“,—просила меня пѣхота.— Потомъ мы ихъ въ штыки возьмемъ“.—„Маните ихъ лучше сюда ружейнымъ огнемъ,—отвѣчаю, а самъ поднялъ бинокль, чтобы вѣрнѣе опредѣлить разстояніе. Тутъ меня кто-то хлопъ палкой по рукѣ. Оборачиваюсь,—рядомъ никого. Скольжу глазомъ по правой рукѣ,—перчатка въ крови. Раненъ, думаю, и командую: „готовсь... Постоянный огонь. Пли!“ Словно тысячи школьниковъ, выпущенныхъ на свободу, затопали мои пулеметы и безъ устали скачутъ: „та-та-та-та“. „Та-та-та-та“. „Та-та-та-та-та“. Взялъ бинокль въ лѣвую руку, поднялъ и вижу: нѣмцы бѣгутъ. Бѣгутъ и падаютъ. Валятся, ползутъ. Шли сейчасъ лишь колоннами, а теперь все поле черно отъ тѣлъ. Наши стрѣлки бѣгутъ черезъ мостъ. Кричатъ „ура“! Артиллерія черезъ ихъ головы бьетъ по окопамъ вдали, не даетъ бѣгущимъ остановиться тамъ. „Побѣда! Побѣда“!—радостно кричатъ мои солдаты.

IV.

Работа около пулеметовъ трудная. Эти маленькія машинки, наносящія такой вредъ противнику, находятся обыкновенно въ самомъ центрѣ боя, подъ самымъ губительнымъ огнемъ. Ихъ старается замѣтить и сбить прежде всего непріятельская артиллерія, на нихъ стремительно бросаются и конница и пѣхота, отчего такъ часто среди взя-

тыхъ тамъ или здѣсь военныхъ трофеевъ упоминаются именно пулеметы. Ниже приводится разсказъ участника боевъ, изъ котораго достаточно ясно видно, какъ тяжело приходится тѣмъ, кто работаетъ около пулеметовъ. „Цѣпи стрѣлковъ тянулись впереди лѣса вправо и влѣво. Сѣрыя фигуры людей почти не выдѣлялись на блеклой травѣ. На флангахъ располагались пулеметы... Маленькія зловѣщія машинки чернѣли въ песчаныхъ окопахъ и молчаливо глядѣли въ сторону непріятельскихъ окоповъ, на видъ такія безобидныя и безвредныя. Около нихъ копошились люди, маленькіе черные,—ихъ было много",—такъ было до боя, но въ разгарѣ его, когда унтеръ-офицеръ Ч. подходилъ къ пулеметнымъ окопамъ, онъ увидѣлъ уже всего четыре или пять темныхъ фигуръ. Пулеметы все стрѣляли! По ихъ огню, безпрерывному и губительному, нельзя было подумать, что почти вся прислуга изранена, и что много есть уже убитыхъ,—замѣтилъ это Ч. только подойдя совсѣмъ близко... Воду въ пулеметные кожухи наливали уже два раза; два раза жертвовали драгоцѣнной влагой изъ собственныхъ баклажекъ, чтобы поддержать „родныя машинки", которыя безъ воды быстро накалятся и перестанутъ трещать и косить непріятеля... И машинки дѣйствовали. Ч. присоединился къ пулеметчикамъ, которыхъ всего осталось человѣкъ восемь, изъ нихъ пять были легко ранены... Они тоже помогали, сидя около щитковъ, наскоро забинтованъ свои раны. А бой кипѣлъ...

Австрійская пѣхота, превосходившая числомъ нашу, насѣдала, и удерживалъ ее только мѣткій артиллерійскій и пулеметный огонь... Ч. увлекся

своимъ дѣломъ и „поливалъ“ изъ пулемета, вотъ уже около трехъ часовъ, подступавшія австрійскія цѣпи... Онъ видѣлъ, какъ падали люди подъ стальнымъ градомъ несущихся роемъ пуль, и ему некогда было оглянуться посмотрѣть, что осталось отъ нашихъ пулеметчиковъ... Когда посинѣлъ лѣсъ, стало глубокимъ и темнымъ небо, покрывшееся серебряными точками, бой сталъ стихать. Рѣже грохотали орудія, и ружейный огонь слабѣлъ, пулеметы умолкли... Позиціи остались за нами. И въ первый разъ за полдня Ч. оставилъ рукоятку и оглянулся... Ихъ оставалось четверо и всѣ израненные, кромѣ него. Но оставаться здѣсь на позиціи вчетверомъ съ четырьмя пулеметами, теперь, когда подъ покровомъ ночи могли легко подкрасться враги, было невозможно... Надо было такъ или иначе отойти и унести съ собой пулеметы, не дать захватить ихъ австрійцамъ. „Братцы,—сказалъ Ч. надобно „родныя машинки“ выручать... Онѣ насъ весь день выручали... У кого сила есть подхвати, подсоби другъ другъ другу и айда къ нашимъ“... Это было не отступленіе. Эти люди не отступали, они отходили послѣ героической обороны...

V.

Въ послѣднее время любимцами арміи сдѣлались бронированные автомобили, не разъ выручавшіе отдѣльныя части изъ очень тяжелаго положенія. Такъ, напримѣръ, было около станціи Пабіаницы. Непріятель быстро подвигался впередъ, поддерживаемый своей артиллеріей, такими превосходными силами, что нашъ баталіонъ поневолѣ долженъ былъ отойти къ штабу оставшагося по-

зади полка. Въ это время на шоссе въ виду непріятеля остался одинъ Г... со своими двумя бронированными автомобилями. Солдаты, проходя, одушевлялись вѣрою въ успѣхъ, видя бронированные автомобили. Въ каждомъ взглядѣ видно было нетерпѣніе, чтобы они двинулись впередъ. Точно эти сѣрыя чудища съ жадными пастями движущихся пулеметовъ, являлись неодолимою защитною стѣною для пѣхоты. Г... двинулся по шоссе.

Со одной стороны его былъ казавшійся безлюднымъ лѣсъ, но, когда онъ поровнялся съ деревьями, оттуда въ упоръ грянули выстрѣлы. Въ чащѣ засѣли нѣмецкіе стрѣлки, прикрываясь стволами. Еще ночью они заняли эту закрытую позицію и теперь въ полной мѣрѣ воспользовались ею. Останавливаться и соображать было некогда. Пули ураганомъ неслись справа, точно тысячи молотковъ стучались въ стальныя брони автомобилей. Мало этого, не прошло и нѣсколько минутъ, какъ замѣтившая ихъ издали батарея бросила на нихъ массу шрапнели. Било сбоку, поражало сверху, а въ упоръ работали ружья наступающей нѣмецкой пѣхоты. Болѣе ужаснаго положенія нельзя было себѣ представить. Мы, разумѣется, тоже не сидѣли сложа руки. Передъ автомобилями и въ лѣсу ложились десятки точно подкошенныхъ нѣмцевъ. Пулеметы, точно желѣзными метлами, сметали ихъ прочь, но на мѣста убитыхъ и раненыхъ являлись другіе.

Весь воздухъ переполненъ ливнемъ свинца. Какъ вдругъ одинъ изъ автомобилей поворачиваетъ назадъ. „Куда“,—кричитъ своему шофферу Г... „Назадъ въ деревню. Я раненъ шрапнелями три раза. Если останусь, автомобиль пропадетъ. Че-

резъ нѣсколько минутъ истеку кровью, не хватитъ силы вести его". Г... вернулся. За нимъ вернулся второй автомобиль съ его фельдфебелемъ. Г... уже раненый самъ въ шею, пересѣлъ на новый автомобиль, а на мѣсто раненаго шоффера посадилъ фельдфебеля и приказалъ ему нагнать его у лѣса. Опять начался бой пулеметныхъ автомобилей съ отовсюду насѣдающимъ непріятелемъ. Опять наши орудія здѣсь начали истребленіе. Нѣмцы падали и впереди и въ лѣсу. Г... слѣдилъ только за однимъ, чтобы обстрѣлъ не прекращался ни на одну минуту. Автомобили постояли за себя. Ихъ повредило, но они ослабили непріятеля. Въ девятомъ часу огонь сталъ гаснуть въ лѣсу. Впереди нѣмцы отхлынули. Весь путь ихъ былъ устланъ трупами. Враги едва успѣвали подхватывать своихъ раненыхъ...

Къ этому времени показались наши батареи и начали обстрѣлъ деревни, завода и подозрительныхъ далей...

Работа разныхъ родовъ артиллерійскаго снаряженія составляетъ главную силу арміи. Въ превосходной работѣ нашей артиллеріи залогъ нашей побѣды надъ врагомъ.

Война въ воздухѣ.

I.

Аэропланы разныхъ системъ несутъ важную службу въ современной войнѣ. Имъ съ высоты видно, гдѣ сколько войска, куда и сколько на-

правляется подкрѣпленій. Это лучшіе развѣдчики. Они во время боя слѣдятъ, какъ ложатся снаряды и показываютъ ракетками, куда надо цѣлить. Сбрасывая бомбы, они производятъ замѣшательство въ лагерѣ противниковъ. Служба летчиковъ интересная, но и весьма опасная. По нашимъ аэропланамъ пруссаки стрѣляютъ съ автомобилей. Наши летчики сначала видятъ дымъ въ полѣ, послѣ чего начинается пальба, причемъ прусскіе автомобили часто прячутся за лѣсомъ и оттуда стрѣляютъ по нашимъ аэропланамъ.

Въ лодзинскихъ бояхъ наши летчики выполнили большую работу. Они давали цѣнныя донесенія и поражали своею отвагой, а, благодаря находчивости, не разъ выходили благополучно изъ тяжелаго положенія. Вотъ разсказъ одного изъ этихъ летчиковъ, поручика Я. О. „Въ первое время я видѣлъ все совершенно свободно, а затѣмъ черныя тучи закрыли землю, заволокли все кругомъ и оставалось летѣть на удачу.—Мнѣ показалось,—что я приблизился къ городу, и сталъ спускаться, Замѣчаю, что что-то неладно. Мѣсто незнакомое и расположеніе войскъ не то. Когда аппаратъ коснулся земли, вижу кругомъ каски, со всѣхъ сторонъ бѣгутъ нѣмецкіе солдаты и палятъ въ аппаратъ. Я спрятался подъ щитъ, подогнулъ колѣни, ушелъ въ сидѣнье, быстро открылъ бензинъ, и тѣхъ минутъ, когда онъ булькалъ, а я подъ градомъ пуль думалъ,—„подымется или не подымется“, долго не забыть. Хватилъ руль на себя, и взлетѣлъ. Когда я спустился въ расположеніе нашихъ войскъ, въ аппаратѣ насчитали сто сорокъ двѣ пули, и изъ нихъ сорокъ шесть въ щитѣ, прикрывавшемъ меня

снизу. Руль былъ поврежденъ въ трехъ мѣстахъ, его пришлось скрѣплять проволокой. Наши думали, что мнѣ не сдобровать,—они видѣли, какъ меня нѣмцы разстрѣливали.

Иногда летчики встрѣчаютъ неодолимыя препятствія и въ самомъ состояніи воздушной атмосферы. Съ утра дулъ сильнѣйшій юго-западный вѣтеръ. Одинъ изъ отважнѣйшихъ нашихъ летчиковъ получилъ приказаніе освѣтить расположеніе германскихъ позицій и въ намѣченный заранѣе пунктъ бросить бомбу. Онъ началъ свой полетъ вдоль шоссе подъ сильнѣйшимъ огнемъ нѣмцевъ. Порывы вихря были ужасны; тѣмъ не менѣе, отважному офицеру не хотѣлось бросать своей задачи. Швыряло изъ стороны въ сторону. Пролетъ снарядовъ приводилъ атмосферу въ еще болѣе дурное состояніе. Когда онъ спускался съ 1.400 метровъ высоты на 800, его повернуло. Всѣ мелкія части полетѣли внизъ, но бомбу онъ зажалъ ногами. Ему удалось выравняться на высотѣ 600 метровъ подъ сплошнымъ огнемъ непріятельской пѣхоты и батарей. Тутъ его подхватилъ уже попутный вѣтеръ и понесъ обратно на наши позиціи, куда онъ и вернулся, сдѣлавъ весь путь назадъ, вмѣсто 1 часа 30 минутъ, въ 20 минутъ: такова была сила воздушнаго теченія. Онъ взялъ на нашихъ позиціяхъ новый запасъ бензина, но летѣть дальше нельзя было. Въ верхнихъ слояхъ разыгрывалась настоящая буря.

II.

Однажды съ опытнымъ нашимъ летчикомъ вышелъ такой случай. Сбился съ пути, а тутъ

еще аппаратъ закапризничалъ. Надо было выбирать одно изъ двухъ: либо смерть, либо спуститься неизвѣстно гдѣ и попробовать починиться. Спустился и оказался среди нѣмцевъ. Полетъ происходилъ въ Восточной Пруссіи, въ тылу непріятельскаго расположенія. Спускъ замѣтили крестьяне, сбѣжались, окружили аппаратъ и начали напирать. Офицеръ по-нѣмецки не говорилъ и въ то время, какъ механикъ наспѣхъ починялъ аппаратъ, онъ повторялъ только два слова по-нѣмецки: „стойте спокойно". Въ толпѣ не было вооруженныхъ, и вынутый офицеромъ изъ кармана револьверъ производилъ свое дѣйствіе. Когда взрослые стали переговариваться, и одинъ изъ мальчишекъ вздумалъ было улизнуть, офицеръ еще болѣе строгимъ голосомъ повторилъ: „стойте!"—Починка уже приходила къ концу, когда въ толпу врѣзался въ шикарномъ экипажѣ толстый помѣщикъ. Онъ заоралъ на крестьянъ, что-то имъ объяснилъ и, видимо, понукалъ броситься къ аппарату и сломать его. Толпа заволновалась, и растеряйся летчикъ, не видать бы ему своихъ, и поломали бы крылья его стальной птицѣ. Раздался выстрѣлъ, и въ тотъ моментъ, когда нѣмцы пробовали броситься на офицера, стоявшій въ экипажѣ помѣщикъ упалъ, какъ подкошенный. Произошло замѣшательство. Въ этотъ моментъ механикъ сообщилъ, что аппаратъ готовъ. Летчикъ вскочилъ на свое мѣсто и взялъ руль. Черезъ полчаса онъ благополучно спустился около своихъ. Спасло самообладаніе.

III.

Любопытное подробное описаніе впечатлѣній летчика даетъ напечатанный въ „Новомъ Времени" слѣдующій разсказъ летчика-добровольца, какъ онъ заработалъ Георгія. Утромъ ко мнѣ пришелъ поручикъ Н. и сказалъ, что сейчасъ надо летѣть на развѣдку, чтобы разыскать расположеніе нѣмецкихъ батарей. Утро было хорошее, настроеніе тоже. Изучивъ по картѣ расположеніе мѣстныхъ войскъ, мы съ поручикомъ Н. отправились въ путь. Осмотрѣвъ машину, я отправился ввысь. Моторъ работалъ хорошо. Набирая понемногу высоту, я взялъ направленіе на нѣмецкія позиціи. Началъ смотрѣть внизъ. Подъ нами шелъ артиллерійскій бой. Видны были горящія деревни и окопы. Они такъ рельефно выдѣлялись. Я посмотрѣлъ на поручика. Онъ уже наносилъ на карту, и, обернувшись потомъ ко мнѣ, улыбался и показывалъ внизъ. Приходилось работать вдвойнѣ, такъ какъ надо было слѣдить за аппаратомъ и направленіемъ. Но всетаки я увидѣлъ слѣдующую картину: небольшая деревня, за ней лѣсъ и за лѣсомъ нѣмецкая батарея. Но еще минута и эта картина осталась позади. Опять поля, окопы и горящія деревни. Но вотъ озеро и на берегу городъ. Иду прямо надъ городомъ. На площади стройными рядами стоитъ обозъ; дальше станція желѣзной дороги. Стоятъ составы, одинъ поѣздъ медленно двигается на сѣверъ. Это видно по дыму паровоза. Мой наблюдатель высовывается изъ аппарата и бросаетъ внизъ бомбу. Лента развернулась и попала внизу.

Начало покачивать, смотрѣть внизъ приходится рѣдко, но я спокоенъ, такъ какъ поручикъ Н. ни на минуту не отрывается отъ земли и только изрѣдка оборачивается ко мнѣ съ улыбающимся лицомъ—значитъ все превосходно. Наконецъ, долетаю до крайняго пункта нашей развѣдки и медленно начинаю сворачивать. Нахожусь какъ разъ надъ шоссе, идущимъ отъ города М. къ мѣстечку Б., гдѣ разыгрывался одинъ изъ большихъ боевъ этой кампаніи. Только что успѣлъ взять вѣрное направленіе, какъ вижу—поручикъ почти совсѣмъ высунулся изъ аппарата и пристально смотритъ внизъ, смотрю и я...

По дорогѣ почти на мѣстѣ стоитъ длинная колонна нѣмецкой пѣхоты, и только по всадникамъ впереди колонны опредѣляю направленіе къ нашимъ позиціямъ у мѣстечка Б. Пролетаю дальше и стараюсь не терять изъ виду шоссе и колонны; но вотъ она уже не видна, и уже хотѣлъ было повернуть назадъ, какъ вижу—поручикъ показываетъ внизъ и описываетъ рукой кругъ. Смотрю внизъ и вижу усадьбу, а кругомъ масса обоза. Начинаю дѣлать кругъ надъ усадьбой. Вижу еще колонну нѣмцевъ, подходящихъ къ усадьбѣ. Заканчиваю кругъ. Смотрю на поручика, проситъ еще разъ сдѣлать кругъ. Непріятный поворотъ вправо, аппаратъ весь дрожитъ. Все же улучаю минуту, смотрю внизъ: съ лѣвой стороны дороги отдыхающій артиллерійскій паркъ... Уже пробылъ въ воздухѣ 1 час. и 35 минутъ. Надо домой. Поручикъ Н. сидитъ спокойно и что то пишетъ. Остается по пути домой еще разъ пройти надъ всѣмъ нѣмецкимъ фронтомъ. Не успѣлъ пролетѣть и двухъ минутъ, какъ вдругъ, слышу трескъ, какъ

будто что-то лопнуло. А по сторонамъ расходится бѣлое облачко, затѣмъ второй, третій. Значитъ—шрапнель. Поручикъ Н. высунулся изъ кабины и смотритъ назадъ. Лицо серьезное. А шрапнель продолжаетъ рваться... Вдругъ, поручикъ поворачивается и быстро машетъ рукой налѣво. Одинъ моментъ, и мой аппаратъ, повернувшись почти на мѣстѣ, летитъ въ другомъ направленіи. Оглядываюсь и вижу, какъ бѣлые дымки ровненькимъ строемъ, одинъ за другимъ, продолжали расходиться по моему прежнему пути.

Минуты черезъ три поручикъ дѣлаетъ рѣзкій знакъ вправо. Онъ все время стоитъ и смотритъ вокругъ. Затѣмъ успокоился и сѣлъ. Ненадолго. Опять знакомые звуки разрыва. Не знаю, куда держать и смотрю на поручика. Онъ артиллеристъ и укажетъ, куда спасаться отъ шрапнели. Между тѣмъ, вмѣсто бѣлыхъ облачковъ стали появляться черныя. Это уже хуже. Значитъ, изъ гаубицъ стрѣляютъ... Поручикъ быстро показываетъ налѣво, и я съ большимъ наклономъ быстро поворачиваюсь и, уйдя немного отъ выстрѣловъ, начинаю разбираться въ мѣстности, которую за это время потерялъ изъ виду. Между тѣмъ, поручикъ опять смотритъ внизъ; какъ оказалось потомъ, онъ нашелъ еще одно мѣсто расположенія „чемодановъ“. Я узналъ мѣстность по знакомому озеру. Беру направленіе домой. Часы показываютъ 1 часъ 55 минутъ пребыванія въ воздухѣ. Поручикъ нѣкоторое время смотритъ назадъ, а затѣмъ, улыбаясь, садится на мѣсто. Значитъ, все въ порядкѣ. Я здорово промерзъ, но спускъ уже близко. Вотъ выключаю моторъ и начинаю спускаться. Свистъ въ ушахъ.

Воздухъ теплѣе. Еще моментъ, и аппаратъ мой на землѣ.

IV.

Приближеніе непріятельскаго аэроплана производитъ жуткое впечатлѣніе. Издалека, все наростая и приближаясь, раздается характерное гудѣнье мотора. Въ туманѣ дождливаго дня аппарата не видно, но всѣ сразу поняли въ чемъ дѣло и встрепенулись. — Аэропланъ, братцы, аэропланъ...—„Въ ружье"!—раздалась команда. Мигомъ было забыто все—и картофель, и чай, и снятые сапоги, и отдыхъ, люди, какъ были, хватали винтовки и выбѣгали на дворъ, надъ которымъ на сѣромъ фонѣ неба уже обрисовался черный силуэтъ аэроплана... Защелкали выстрѣлы по грозной металлической птицѣ, раскинувшей крылья надъ русскимъ лагеремъ, и понеслись ей на встрѣчу сотни мѣткихъ пуль, но аппаратъ, словно отвѣчая на выстрѣлы снизу, бросилъ съ высоты только одинъ маленькій черный предметъ... Съ грохотомъ и лязгомъ, разлетѣвшись стальнымъ вѣеромъ осколковъ, разорвался снарядъ, ударившись о край колодца; кто-то вскрикнулъ, кто-то уронилъ винтовку, а сверху, словно съ неба, одна за другой упали еще три бомбы, и во дворѣ прогремѣли еще три взрыва... Однако, еще минута, и непріятельскій аэропланъ самъ стремительно падаетъ внизъ при радостныхъ крикахъ нашихъ стрѣлковъ. Угодила въ летчика чья то мѣткая пуля.

Жуткое, захватывающее впечатлѣніе производитъ картина сраженія аэроплановъ въ воздухѣ.

Въ четыре съ половиной часа вечера надъ мѣстечкомъ X. появился германскій аэропланъ. Черезъ нѣсколько минутъ показался и другой. Оба обмѣнялись сигналами и затѣмъ разошлись. Стемнѣло. Для того, чтобы лучше разобраться, наблюдатель съ нѣмецкаго аэроплана сталъ освѣщать окрестности прожекторомъ. Изъ нашихъ окоповъ замѣтили нѣмца. Начался обстрѣлъ непріятельскаго аэроплана, но онъ упорно продолжалъ свой путь. Нѣмецкій летчикъ успѣлъ въ совершенствѣ ознакомиться съ расположеніемъ нашихъ позицій, и отпустить его невредимымъ было бы очень опасно. Ротный командиръ приказалъ вѣстовому позвать поручика С. Черезъ нѣсколько минутъ въ палатку начальника отряда вошелъ молодой безусый офицеръ въ кожаной курткѣ.—Поручикъ, приготовьте вашъ аппаратъ и во что бы то ни стало „снимите" германскаго летчика.—Слушаю.—Когда вы будете готовы?—поинтересовался капитанъ.—Ровно черезъ пять минутъ,—послѣдовалъ отвѣтъ. Поручикъ выкатилъ свой аппаратъ, а черезъ нѣсколько минутъ русскій аэропланъ взвился въ воздухѣ. Поручикъ понесся навстрѣчу германскому аэроплану и энергично атаковалъ его. Съ замираніемъ сердца слѣдили солдаты изъ окоповъ, наблюдая за воздушнымъ боемъ. Поручикъ приблизился къ нѣмцу. Раздалось нѣсколько револьверныхъ выстрѣловъ съ той и съ другой стороны. Оба летчика стремились подняться выше противника и тѣмъ заставить его спуститься, но безуспѣшно. Наконецъ, послѣ цѣлаго ряда ловкихъ движеній аэропланъ поручика оказался надъ непріятельскимъ. Бой кончился не въ пользу нѣмца. Угрожаемый сверху, герман. аэропланъ вынужденъ былъ спуститься.

Изъ окоповъ грянуло „ура". Къ мѣсту спуска подоспѣлъ казачій разъѣздъ. Нѣмецкіе летчики—два офицера—были взяты въ плѣнъ, а вражескій аэропланъ доставленъ на позиціи.

V.

Бываютъ случаи, когда летчикъ спасается отъ плѣна только благодаря помощи кавалеріи или пѣхоты. Во время одного изъ серьезныхъ сраженій военному летчику было дано предписаніе подняться надъ мѣстомъ непріятельскаго расположенія для обслѣдованія непріятельскихъ силъ. Не прошло и нѣсколько минутъ послѣ приказанія, какъ надъ мѣстомъ боя взвился и плавно началъ подниматься вверхъ нашъ аэропланъ. Градъ пуль полетѣлъ вслѣдъ за нимъ.

Но летчикъ забирался все выше и выше—развѣдка, повидимому, удалась вполнѣ. Пули не переставали осыпать аэропланъ. Вдругъ, наблюдавшіе за летчикомъ снизу, замѣтили какъ бы нѣкоторую заминку въ полетѣ. Оказалось, что пуля попала въ бакъ съ бензиномъ. Летчику ничего другого не оставалось, какъ опуститься, что онъ и сдѣлалъ.

Скоро аппаратъ сталъ приближаться къ землѣ и плавно сѣлъ на самомъ полѣ сраженія, между нашими и непріятельскими войсками. На выручку летчика бросились во весь карьеръ три драгуна, но двое изъ нихъ моментально были сброшены съ сѣделъ непріятельскими выстрѣлами. Третьему драгуну удалось вывести летчика изъ сферы огня... Несмотря на численный перевѣсъ противника, пѣхота немедленно бросилась въ этомъ мѣстѣ въ наступленіе, благодаря чему удалось вывести аппа-

ратъ съ поля битвы. Спасеніе летчика дало намъ очень важныя свѣдѣнія, такъ какъ ему удалось сдѣлать очень интересныя наблюденія надъ происходившимъ подъ нимъ передвиженіемъ непріятельскихъ войскъ.

Въ тылу арміи.

I.

Здѣсь не несутся, сломя голову, ординарцы, не бѣжитъ на позицію быстрымъ неровнымъ шагомъ рота резерва. Порою здѣсь не слышно грохочущихъ орудій и трескотни пулеметовъ, но все же даже и въ далекомъ тылу арміи чувствуется близость войны. Разговоры только о ней. Въ Бѣлостокѣ на станціи толпа ополченцевъ. „Слышно, слышно“,—съ оживленіемъ говорятъ въ ней. „Какъ же, и нынѣшней ночью слышно было“. А одинъ изъ ополченцевъ, недавно прибывшій изъ-подъ Осовца, рисуетъ картину недавнихъ боевъ подъ крѣпостью. „Полыхало на небѣ словно будто молніи, какъ гроза, и громъ гремѣлъ“.—„А до васъ нѣмцы не доходили?“—„Нѣтъ, нѣмца еще въ глаза не видѣли“. Небольшой, щуплый паренекъ, въ засаленомъ картузѣ, рѣшительно говоритъ: „Нѣмцевъ будемъ бить сердито. Сразу два зуба и глазъ“. Толпа озаряется улыбками и разражается дѣтскимъ хохотомъ. И удивительно, что лица спокойныя, ясныя, веселыя. Какая-то чувствуется увѣренность.

Вотъ большой городъ, всего въ нѣсколькихъ верстахъ отъ передовыхъ позицій. На улицахъ

масса народа, военныхъ и штатскихъ. Вездѣ, гдѣ есть люди, слышится смѣхъ и веселый разговоръ. Въ чайной группа военныхъ. „Далеко ваши позиціи?“—спрашиваютъ одни другихъ.—„Въ получасѣ ѣзды. А ваши?“—„Минутъ пятнадцатъ—двадцать. Мы, какъ кроты, копаемся въ землѣ. Высунуть пальца не можемъ. Пріѣхали съ генераломъ въ баню“. На улицѣ зазвенѣли бубенчики. „Не становой-ли ѣдетъ на огонекъ?“—смѣются между собой военные. „Въ самомъ дѣлѣ, точно въ Россіи на масленицѣ“. „Да, да—а хорошо сейчасъ въ Россіи!“

У одного дома толпятся военные. На воротахъ вывѣска: „Баня всероссійскаго союза городовъ“. Подъѣхали верхомъ офицеры. „Сегодня какой день,—спрашиваютъ, солдатскій или офицерскій?“—„Такъ точно, солдатскій. Для офицеровъ завтра“. „Неудача. Ну, да мы не помѣшаемъ!“ Баня во дворѣ. Въ предбанникѣ масса народа. Рота солдатъ моется повзводно. Два генерала и нѣсколько офицеровъ, пріѣхавшихъ съ позицій, получили разрѣшеніе мыться съ солдатами. „Мы не помѣшаемъ—упрашивали они.—Только бы помыться“... Полокъ кишитъ людьми всѣхъ чиновъ и ранговъ. Идутъ разговоры. „Дай Богъ устроителямъ добраго здоровья...“—„Россію чувствуемъ...“—„Три мѣсяца не мылся... Ахъ, какъ хорошо...“ Баня самое посѣщаемое мѣсто въ городѣ. И самое пріятное для окоповъ, которые живыми нитями связаны съ ней. Круглый день толпится у бани народъ. Баня солдату нужна, какъ хлѣбъ.

II.

Около мѣстечка С., за которымъ шелъ ожесточенный бой, жизнь идетъ во всю. Въ обозахъ, расположившихся при дорогахъ, готовятъ обѣдъ. Попахиваютъ кухни, рубятъ туши. Откуда то гонятъ навьюченныхъ осликовъ, на рысяхъ къ позиціямъ провозятъ зарядные ящики. Слышна не только канонада, но и пулеметная, и ружейная стрѣльба. Со стороны И... нѣмцы идутъ густыми колоннами, подъ прикрытіемъ артиллеріи. Ночью было нѣсколько атакъ. Наши понесли потери, но у нѣмцевъ онѣ были крупнѣе. Ружейная трескотня совсѣмъ близко. Съ той стороны, гдѣ идетъ бой, потянулись обывательскія подводы. Впереди коровы, свиньи, на телѣгахъ ребята держатъ въ рукахъ гусей, на свободныхъ телѣгахъ подвозятъ раненыхъ, а навстрѣчу къ позиціямъ идутъ части, бывшія въ резервѣ. „Дорогу!..“—рѣзко и пронзительно выкрикиваетъ парковый офицеръ, и ящики со снарядами проносятся мимо.

У питательнаго пункта стоятъ раненые. Питательный пунктъ—это не что иное, какъ небольшой поѣздъ съ вагонами стараго типа, приспособленными къ цѣлямъ пункта, т. е., въ немъ имѣется вагонъ-кухня съ холодильниками, кладовыми и котломъ на 800 порцій щей, есть вагонъ-столовая для персонала поѣзда и для офицеровъ, помѣщеніе для лошадей, нѣсколько багажныхъ вагоновъ и т. п. У дверей вагона-кухни толпилось уже много людей; иные подходили со своей посудой, иные съ солдатскими манерками,—этимъ отливали порціи, отмѣривали хлѣбъ, и они отходили; тѣхъ

же, у кого собственныхъ приспобленій не имѣется, выстраиваютъ въ двѣ шеренги, раздаютъ ложки, хлѣбъ и порцію мяса, и, разбивъ на группы по десять человѣкъ въ каждой, выносятъ по десятичному ведру съ крышками. Питаемые усаживаются вокругъ, крышки снимаютъ, вкусный запахъ хорошо уваренныхъ щей разносится въ воздухѣ, и кругомъ поднимается такое аппетитное чавканье, которое способно и у человѣка, только что съѣвшаго самый вкусный обѣдъ,—вызвать аппетитъ.

Такъ по евангельской заповѣди и кормитъ каждый день питательный пунктъ голодныхъ, не разбирая частей и мундировъ. Кормятъ случайно отбившихся отъ своихъ частей солдатъ и офицеровъ, кормятъ и цѣлыя части, растерявшія далеко свои кухни, кормятъ желѣзнодорожный персоналъ, телеграфистовъ, обозниковъ,—разъ накормили даже 160 плѣнныхъ германцевъ передъ отправкой ихъ внутрь Россіи.

Но далеко не всегда пребываетъ поѣздъ въ такой мирной обстановкѣ. За нѣсколько мѣсяцевъ своего существованія побывалъ онъ въ передѣлкахъ, да еще какихъ. Время проходило обычно такъ: днемъ кормили голодныхъ, ночью принимали, перевязывали и, конечно, кормили приходившихъ и приносимыхъ раненыхъ (при пунктѣ находятся двѣ сестры милосердія), обычно человѣкъ 80—90. Особенно тяжелъ достался пункту тотъ день, когда пришлось безостановочно кормить небольшими группами подходившихъ раненыхъ.—Бой въ этотъ день былъ особенно горячимъ. Одно время наши позиціи были въ полутора верстахъ отъ стоянки. Днемъ германскій аэропланъ бросилъ въ пунктъ двѣ

бомбы,—къ счастью безрезультатно. Канонада адская,—и днемъ и ночью. Но команда и персоналъ перестали даже обращать вниманіе на нее и работали, не покладая рукъ. Кругомъ зарево пожаровъ, снаряды рвутся...

III.

Въ двухъ-трехъ верстахъ отъ передовыхъ окоповъ примостилась „летучка“—передовой подвижной перевязочный пунктъ. Обычная деревенская изба,—„халупа“, какъ любятъ здѣсь всѣ говорить. Двѣ комнаты, съ землянымъ поломъ, съ громоздкою печкой въ одной изъ комнатъ. Здѣсь кухня, столовая, чайная, врачебная, пріемная, клубъ и канцелярія. Виситъ телефонный аппаратъ. При немъ дежурный солдатъ. Два повара работаютъ. Одинъ грѣетъ воду для чая, наливаетъ чай и раздаетъ желающимъ. Другой чиститъ картошку, рубитъ тушу мяса. Мальчишка-доброволецъ, въ большомъ мундирѣ преображенцевъ съ красною грудью, высланный за болѣзнью изъ окоповъ, лѣниво помогаетъ повару.—„Ты-ы, лайдакъ!—любовно шлепаетъ поваръ „добровольца“ по затылку,—чего полкартошки съ шелухой срѣзаешь?“—„Будь у насъ свиньи, я и всю бы скормилъ свиньямъ“,—сердито баситъ „отставной преображенецъ“.—„Я пришелъ нѣмцевъ бить, а не картошку чистить“.

Дежурная сестра, умостившись тутъ же у оконца, моетъ грязную посуду. Въ углу за печкою на соломѣ лежатъ подъ шинелями два солдата. Одинъ больной, киргизъ изъ-подъ Оренбурга. На видъ здоровенный малый съ умнымъ, пріятнымъ и скорбнымъ лицомъ. Онъ былъ здѣсь вчера. Про-

ходилъ со взводомъ мимо „летучки“. Обезсилѣлъ, присѣлъ, попросилъ воды. Сестры напоили его чаемъ. Спросили, что съ нимъ. „Слабъ очень— идти не могу. Голова мутитъ. Товарищъ взялъ мое ружье, а я съ палкою, да худо,—ноги гнутся“. Сестры позвали врача. Тотъ посмотрѣлъ,—видитъ, не притворяется солдатъ.

Въ другой комнатѣ—перевязочная. Маленькій столъ въ углу съ бинтами, іодомъ, ватою, ножницами. Посерединѣ большой столъ—„операціонный“. Три доски на прочныхъ козлахъ. На столѣ раненый гранатою. Лицо блѣдное. Черты осунулись. Зубы крѣпко стиснуты. Доктора и сестры забинтовали уже ему ступню. Смазываютъ іодомъ раны въ мякоти ноги: „девять и всѣ благополучно: кость не тронута“.—„Ой, больно“,—шипитъ раненый при смазкѣ іодомъ. „Потерпи, потерпи еще немного“,— ласково кладетъ сестра руку ему на лицо. „Нѣмецъ“, проклятый; „нѣмецъ“—со свистомъ шепчетъ раненый сквозь пальцы сестры. „Вотъ и готово“—успокаиваетъ снова сестра. „Бери меня за шею. Понесемъ тебя чай пить. У печки тепло. Согрѣешься. Дрожишь весь: ишь, какъ зазябъ“. „Крови много вытекло... несли безъ сапогъ“,— стихая шепчетъ раненый.—„Спасибо, родные“...— „Слѣдующій“,—высовывается за дверь перевязочной докторъ...

IV.

Не всѣ, однако, раненые попадаютъ прямо въ „летучку“. Инымъ приходится ждать своей очереди гдѣ-нибудь въ случайной крестьянской избѣ, хотя тоже подъ присмотромъ врача и сестры мило-

сердія. Была тихая лунная ночь,—разсказываетъ корресподентъ „Новаго Времени". Подъ высокими тополями мирно раскинулись бѣлыя мазанки польской деревни. При въѣздѣ узнаю, что въ одной изъ нихъ лежатъ наши раненые. Вхожу. При свѣтѣ фонаря, подвѣшеннаго къ окну, различаю на глинобитномъ полу сѣрыя человѣческія фигуры. Ихъ пятнадцать. Сегодня они выбивали врага изъ опушки лѣса, за деревней. Къ вечеру врагъ отошелъ, и имъ было приказано окопаться. Около часу назадъ въ воздухѣ что-то зажужжало, и шальной тяжелый снарядъ съ грохотомъ вырвалъ ихъ изъ рядовъ.

„Ваше высокоблагородіе, нѣтъ ли покурить? Три дня ужъ тому, какъ свернулъ послѣднюю, мочи нѣтъ, какъ курить хочется". Горько было сказать ему, что не курю. Я наклонился къ нему. „Откуда ты"?—спрашиваю. „Я изъ земли Минина". И потомъ, нѣсколько разъ тяжело вздохнувъ, добавилъ: „сынишка у меня 16 лѣтъ, тоже просился со мною. А я ему и говорю: вотъ подожди тятьку убьютъ, тогда и пойдешь... Онъ вѣдь былъ въ потѣшныхъ и солдатскую службу знаетъ. Нашъ Батюшка Царь будто зналъ, родимый, что вороги на насъ пойдутъ"... Видно было, что у солдата въ груди спираетъ, но, несмотря на это, онъ продолжалъ говорить: „А что у французовъ?"—„Хорошо; тѣснятъ нѣмцевъ!"—„Ну, слава Богу". И вздрогнувъ всѣмъ тѣломъ, вытянувшись на спинѣ во весь ростъ, добавилъ: „эхъ, кабы Богъ помогъ одолѣть скорѣй",—и правая рука его стала медленно подниматься, чтобы перекреститься. Но полусогнутая рука поднялась лишь немного выше груди. Голосъ, который я только что слышалъ, умолкъ. Я нагнулся

ближе и взглянулъ въ глаза,—они неподвижно смотрѣли куда-то далеко-далеко... Поднятая рука упала на грудь. Подошелъ врачъ и провѣрилъ дыханіе, пульсъ. — „Скончался, — сказалъ онъ,— надо убрать“.

V.

Гдѣ бы вы ни ѣхали, на самоходѣ или на лошадяхъ, по направленію къ городу въ кругѣ военныхъ дѣйствій,—вы при первой же встрѣчѣ съ людьми, причастными къ арміи, обращаетесь въ живую почтовую контору. Обозная прислуга, санитары, кавалеристы, врачи слѣзаютъ съ повозокъ, соскакиваютъ съ лошадей, несутъ вамъ письма. „Пожалуйста, отправьте!“ Стоятъ солдаты въ деревнѣ, идутъ походомъ,—при видѣ ѣдущихъ въ сторону къ городу сбѣгаются десятками, тащатъ изъ-за пазухи, изъ кармановъ, изъ шапки письма, часто уже измятыя, пропитанныя потомъ, просятъ: „въ городъ?.. не возьмете-ли письмецо?.. Третьи, пятыя сутки ношу... нѣтъ случая отправить“...

„Получишь письмо, пишетъ съ позицій офицеръ, прочтешь, и легко станетъ на душѣ. Силъ прибываетъ. Забываешь усталость. Не замѣчаешь никакихъ лишеній.—То же говорятъ многіе офицеры и солдаты, пожилые и молодые, запасные и строевые.—„Я даже сразу и не читаю,—приходилось слышать нѣсколько разъ.—Получу и держу въ рукахъ. Спрячу въ карманъ на груди и кажется чувствую его сердцемъ. Какъ ребенокъ по любимой игрушкѣ, глажу по карману съ письмомъ. Выну и любуюсь. Счастливый ходишь. Ногъ не чувствуешь подъ собою. Крылья ширятся за спи-

ною. Въ рукахъ такая сила, а въ груди такая удаль, что хоть сколько угодно подавай нѣмцевъ,— всѣхъ распатронимъ, по вѣтру развѣемъ".

Вотъ что значатъ письма на войнѣ отъ дорогихъ людей. Какую силу имѣетъ каждая строчка, присланная сюда любимой рукой. „Шлютъ намъ сюда „гостинцы", табакъ, шоколадъ, теплыя фуфайки,—спасибо за это, но, вѣдь, дорогое письмо отъ милыхъ сердцу дороже всякаго табаку и шоколада,—говорятъ и солдаты и офицеры.—Письма вѣдь даже и не лакомства для души,—а насущная потребность".

Прибытіе почты къ позиціямъ является настоящимъ праздникомъ. Весь ближайшій къ передовымъ линіямъ тылъ арміи сразу оживаетъ. „Сразу измѣнилось,—разсказываетъ офицеръ, настроеніе. Солдаты радовались, какъ дѣти, прыгали, хлопали въ ладоши, кто-то задѣлъ прислоненный къ подоконнику хромой столъ, съ котораго упалъ чайникъ и залилъ сидѣвшаго на полу угрюмаго бомбардира Осипова, большого задиру и ругателя. Но даже и этотъ угрюмый человѣкъ не выругался, а засмѣялся. Идемъ въ канцелярію, здѣсь тоже царитъ оживленіе. На столѣ кучами были насыпаны письма, и писаря ихъ спѣшно разбирали. То и дѣло слышались восклицанія: „Тебѣ, Адріановъ, есть... Васильевъ, счастливчикъ, уже третье... А Демьянову-то опять цѣлая куча, да все изъ Москвы". Вѣсть о полученіи почты разнеслась быстро. Канцелярія переполнилась нижними чинами. Желаніе поскорѣй получить вѣсточки было вполнѣ понятно; натолкавшіеся нижніе чины только задерживали разборку; послѣ двухъ-трехъ словъ они это поняли и уже толпились только за дверями. Но вотъ

письма разобраны, розданы по рукамъ. Съ какимъ вниманіемъ, съ какой старательностью прочитывалась каждая строчка. Сколько радости свѣтится въ этихъ загрубѣлыхъ отъ воздуха лицахъ. Недаромъ же, когда мы были въ отдѣлѣ, и между нами и корпусомъ засѣлъ нѣмецъ, находились смѣльчаки, которые упрашивали отпустить ихъ за почтой и увѣряли, что уже проберутся какъ-нибудь и письма привезутъ. Забыли даже про обѣдъ, проворонили получить хлѣбъ и всюду, всюду читали. Читали сначала про себя, потомъ другъ другу вслухъ. Обмѣнивались новостями, находили общихъ знакомыхъ. Радостный день!...

VI.

Другой, не менѣе радостный, праздникъ составляетъ въ ближайшемъ тылу арміи полученіе подарковъ. Едва мы успѣли доѣхать до середины села,—пишетъ лицо, отправившееся съ подарками на позиціи,—какъ были уже окружены солдатами. Кто просилъ табаку, кто теплое, а больше всего рубахи и вообще бѣлье. Бѣлье нужно всѣмъ. Какъ рядовымъ, такъ и офицерамъ. Ничтожный запасъ, который захватилъ каждый изъ нихъ, отправляясь въ дѣйствующую армію, уже истощился. „Нѣтъ ли у васъ рубашки?“,—нерѣшительно спросилъ меня симпатичный вольноопредѣляющійся, когда я стоялъ у грузовика. Я далъ ему комплектъ, но онъ взялъ только просимое, а остальное отдалъ другому солдатику. „Вашебродь, дайте пожалуйста рубашку“,—кричитъ одинъ стрѣлокъ, протискискиваясь черезъ плотную толпу. „И мнѣ, если можно, рубаху!“—„А мнѣ бы теплое что-нибудь“...

И такъ безъ конца. Толпа растетъ, а ящики пустѣютъ. Наконецъ, кончилось все, что было въ первомъ грузовикѣ, и неполучившіе печально стали расходиться. Въ это время подъѣхалъ офицеръ и спросилъ, нельзя ли получить что-нибудь для полка, что сидитъ сейчасъ въ окопахъ. Поговоривъ съ офицеромъ и съ подъѣхавшимъ его товарищемъ, рѣшили передать имъ оставшееся съ тѣмъ, что вечеромъ, когда походныя кухни отправятся къ окопамъ съ горячей пищей, они захватятъ подарки съ собой и отдадутъ въ распоряженіе офицера. Такъ мы и сдѣлали. Повернули назадъ на площадь. Офицеръ вызвалъ старшаго изъ обоза, принялъ все по счету и уѣхалъ, благодаря насъ. Мы догадались спросить, не нужно ли имъ самимъ бѣлья. И спросили не напрасно.

Подаркамъ солдаты радуются, какъ дѣти. Каждый получившій отходитъ сейчасъ же въ сторону, садится гдѣ-нибудь на камешекъ, на срубленное дерево, развязываетъ мѣшокъ и внимательно все осматриваетъ. Потомъ большинство навязываетъ эти пестрые мѣшки на поясъ, вызывая зависть неполучившихъ. Содержаніе мѣшковъ различно. Неловко становится передъ тѣми, что остались не при чемъ. Трудно выбирать, кому что нужнѣе. Нужно всѣмъ, кто ушелъ далеко, гдѣ ничего нельзя купить... И всѣ они живутъ этой полной лишенія жизнью за наши общіе интересы...

Примѣръ начальниковъ.

I.

Когда будетъ написана исторія нынѣшней самой страшной, жестокой и истребительной войны, весь міръ удивится геройству, которое было проявлено русскою арміей въ тѣхъ, нерѣдко весьма тяжелыхъ условіяхъ, въ которыхъ приходилось дѣйствовать и побѣждать противника нашему командному составу и руководимому имъ русскому солдату. Но теперь для опубликованія многихъ данныхъ еще не настало время; однако, и теперь всѣ дружественные и нейтральные народы уже удивляются безпримѣрной стойкости и высокой доблести нашихъ защитниковъ. Сами нѣмцы съ сокрушеніемъ и удивленіемъ пишутъ о томъ, что русскіе оказываютъ полное пренебреженіе къ опасности. Русскій солдатъ, крѣпко вѣрующій въ Божій Промыслъ, безъ котораго и волосъ не упадетъ съ головы человѣка, и въ то, что за свои подвиги и страданія онъ получитъ награду отъ Бога, самъ по себѣ крѣпокъ духомъ и смѣло смотритъ въ глаза смерти, зная, что онъ выполняетъ свой святой долгъ. Но много значитъ въ данномъ случаѣ и примѣръ командировъ.

Геройство сѣраго солдата часто создается примѣромъ командного состава. Интересный въ этомъ отношеніи разсказъ стараго полковника напечатанъ въ „Новомъ Времени“. Нужно же было такъ случиться, что въ самомъ началѣ, на глазахъ у всего полка, командиръ валится съ лошади.—Убитъ наповалъ. Вслѣдъ за нимъ убиваютъ нѣсколькихъ

ротныхъ командировъ. Люди растерялись. Дрогнули, не удержались, отдали позиціи... Правда, черезъ полчаса другой полкъ все исправилъ и еще, въ свою очередь, занялъ непріятельскіе окопы, но нашему полку отъ этого не легче... Дурная слава осталась, и нужно новое дѣло, чтобы ее исправить... Вотъ мнѣ и дали этотъ полкъ.

Сегодня, какъ видно, и назначена переэкзаменовка... Все въ рукахъ Божіихъ. Нужно укрѣпить душу солдатъ, приблизить ихъ къ Богу, и приблизить такъ, чтобы они, кромѣ Него, ничего не имѣли въ сердцѣ... Когда же въ другое время можно быть ближе къ Богу, какъ не въ бою?.. Тогда никакой врагъ не страшенъ. Нужно только вѣрить. А нашего солдата укрѣпить въ вѣрѣ не трудно. Я такъ и старался дѣлать и всѣ четыре дня похода на это истратилъ.

Идешь къ позиціямъ, и какъ только привелъ, начинаешь съ людьми бесѣду, потолкуешь съ ними о воинскомъ долгѣ, о великой правотѣ нашего дѣла, и о томъ, что вѣра горами двигаетъ. Сегодня, уже подходя къ позиціямъ, мы молились. Я собралъ вокругъ себя весь полкъ, поставилъ солдатъ на колѣни и громко прочелъ имъ псаломъ: „Живый въ помощи Вышняго"... Хорошій псаломъ... И для насъ русскихъ воиновъ въ особенности. Вотъ вы послушайте: „Живый въ помощи Вышняго, въ кровѣ Бога небеснаго водворится... Речетъ Господеви: заступникъ мой еси. Господь прибѣжище мое и Богъ мой и уповаю на Него...

Падутъ отъ руки Твоей тысячи и тьма одесную Тебя, къ Тебѣ-же не приблизится". Вотъ, напримѣръ, здѣсь сказано „тьма"... Это нужно понимать и разъяснить солдату. „Тьма" по древне-

славянски означаетъ „десять тысячъ“... Десять тысячъ враговъ не приблизятся къ тебѣ, если это не будетъ угодно Всевышнему... И дальше говорится, что—только очами своими будешь видѣть возмездіе нечестивымъ. Ибо „ангеломъ Своимъ заповѣдуетъ о тебѣ сохранить тебя на всѣхъ путяхъ твоихъ“. Генералъ дочиталъ весь псаломъ до конца, закрылъ синій томикъ и спряталъ его за обшлагъ солдатской шинели. Въ это время загудѣлъ сигналъ полевого телефона. Вызывали генерала, передавая о чемъ-то важномъ. Онъ поднялся, распрощался со всѣми и сталъ уходить изъ землянки. „Нашъ часъ наступаетъ... сказалъ онъ тѣмъ же спокойнымъ голосомъ.—Сейчасъ пойдемъ въ атаку“.

Ровно черезъ часъ по всему нашему фронту стало извѣстно, что полкъ генерала X., пойдя въ атаку на занятый непріятелемъ фольваркъ, совершенно выбилъ изъ него нѣмцевъ, захватилъ пулеметы и плѣнныхъ, заставилъ врага отступить на значительное разстояніе и самъ прочно утвердился на захваченной позиціи. И тогда-же сдѣлалось извѣстнымъ, что весь этотъ успѣхъ былъ достигнутъ полкомъ безъ единаго выстрѣла, однимъ могучимъ и непреодолимымъ натискомъ, и что нѣмцы не успѣли даже какъ слѣдуетъ принять штыкового удара, благодаря чему въ полку оказалось самое ничтожное количество потерь.

II.

Геройство офицерскаго состава засвидѣтельствовано многими сообщеніями и оффиціальными донесеніями. Приведемъ только нѣсколько примѣровъ.

Офицеръ П. приготовилъ мостъ къ взрыву. Все было выполнено. Оставалось зажечь шнуры. Вдругъ онъ замѣчаетъ два нашихъ зарядныхъ ящика. Остановился со своими тремя минерами. Пятнадцать казаковъ у него въ прикрытіи. Надо ящики вывезти,—онъ съ ближайшей мельницы стягиваетъ сюда телѣги, отламываетъ ихъ передки, привязываетъ къ ящикамъ, впрягаетъ казачьихъ лошадей и вывозитъ на нашу сторону. Идемъ взорвать мостъ. Съ берега, оставленнаго нами, крики. Идутъ двѣ роты. За ними слышится наступленіе сплошныхъ нѣмецкихъ колоннъ. Далъ своимъ перебѣжать, залечь на нашемъ берегу, и тогда уже зажигаетъ шнуры. Вспыхнувшій зарядъ далъ одну пробоину. По той сторонѣ бѣгутъ къ мосту нѣмцы. Не обращая вниманія, онъ закладываетъ четыре новыхъ снаряда поперекъ. Ложится самъ къ одному, трое минеровъ—къ другимъ. Даетъ имъ по папиросѣ, приказываетъ закурить...—„Гляди, чтобы огонь не погасъ. По командѣ: разъ, два, три!—прикладывай къ шнурамъ и жги. И сейчасъ-же бѣги прочь“. Спички могли подъ вѣтромъ погаснуть, папиросы—нѣтъ. Легли къ шнурамъ, курятъ, ждутъ. Нѣмцы спускаются; еще минута,—они уже насядутъ.—Разъ, два... три! Грохотъ взрыва, мостъ разсѣлся пополамъ, вода хлынула.

Минеры подъ густымъ ружейнымъ огнемъ непріятеля бѣгутъ къ себѣ. Офицеръ П. съ ними и вдругъ поворачиваетъ назадъ, подъ выстрѣлы взбѣшеннаго врага.—„Ваше благородіе, куда?—„Надо посмотрѣть, хорошо ли взорвало“. Спокойно идетъ туда. По немъ бьютъ прицѣльно. Съ той стороны тысячи ругательствъ, угрозъ. Онъ спокойно останавливается у прорыва. Рѣка хлещетъ

черезъ изломы разрушенныхъ свай. Настилку въ обломкахъ давно унесло. Пѣна у его ногъ взмыливается и вскидывается подъ напоромъ рвущихся сюда струй. Теперь какъ-разъ! Переправы нѣтъ, нѣмцы отрѣзаны. И офицеръ спокойно вернулся. Какъ онъ уцѣлѣлъ, какъ этотъ ураганъ свинца миновалъ его,—это тайна Господа силъ, хранящаго тѣхъ, кто нуженъ дѣлу Его великой правды!..

Доставленные въ Москву раненые съ австрійской границы разсказывали о геройской смерти ротнаго командира С. Во время боя подъ Замостьемъ ротному командиру былъ отданъ приказъ выбить австрійцевъ изъ окоповъ. Австрійцы отстрѣливались. Имъ помогала артиллерія. Несмотря на сильный ружейный и артиллерійскій огонь, С., обратившись къ солдатамъ съ призывомъ поддержать честь русскаго знамени, бросился впереди роты въ атаку. Вблизи окоповъ С. сразила пуля. Умирая онъ крикнулъ: „вашъ ротный командиръ убитъ. Впередъ!"—Австрійцы были выбиты изъ окоповъ.

Старый, сѣдой, какъ лунь, офицеръ, которому по возрасту въ какомъ-нибудь совѣтѣ сидѣть бы, а онъ всего строевой подполковникъ, говорилъ въ Кіевѣ:—опять отправляюсь. Мѣсяцъ провелъ въ непрерывномъ бою, безъ сна, безъ палатки. Контузили нѣсколько разъ, пока не пришлось вернуться. Ну, только я къ солдатамъ возвращаюсь. Тяжело здѣсь своихъ оставлять: жена старая, дочери взрослыя, домишко... Поспалъ недѣльку въ теплѣ и сухѣ, но не могу тутъ сидѣть. А тамъ все это назадъ куда-то уйдетъ, ничего точно и не

помню, словно никого и нѣтъ у меня. Такъ же и въ тотъ мѣсяцъ было. Я примѣчалъ, что и солдаты о своихъ не думаютъ, а только какъ бы нѣмцевъ побольше избить. Какъ начнутся бои изо дня въ день, какъ затаютъ роты да баталіоны, такъ чувствуешь, что всякій день, когда живъ еще, словно выигрышъ, словно даръ Божій на долю выпадаетъ...

Наши солдаты.

I.

Изумительные люди наши солдаты,—говорилъ ротмистръ Б. . . . —Мнѣ вспоминается сейчасъ гусаръ Стрѣльниковъ. Онъ былъ раненъ въ животъ, но, не желая показать своихъ страданій, онъ все время улыбался и шутилъ. Я его спрашивалъ нѣсколько разъ, не хочетъ ли онъ передать что-нибудь своему семейству. Онъ сперва отказывался, но затѣмъ попросилъ, чтобы остальные солдаты отошли въ сторону, и только тогда сказалъ мнѣ: „ваше благородіе, мнѣ, дѣйствительно, плохо, но я не показывалъ виду, боясь, чтобы остальные не малодушествовали“... Когда мы отправляли этого Стрѣльникова съ двумя другими ранеными, онъ собрался съ силами и, обратившись къ солдатамъ, воскликнулъ: „Братцы, прокричимъ за Русь и русскаго Государя „Ура“!

Весь вчерашній день,—пишетъ одинъ военный корреспондентъ,—подходили русскія войска. Всѣ они подходили на западную окраину города. Меня

буквально поразилъ видъ этихъ войскъ. Пѣхотные полки проходили въ такомъ порядкѣ, точно это было не на войнѣ, къ концу третьяго мѣсяца безпрерывныхъ боевъ и походовъ, а въ самой мирной обстановкѣ, на прогулкѣ или даже на парадѣ. Широкій ровный шагъ, порядокъ въ колоннѣ такой, что издали отличаешь не только роту отъ роты, но даже взводъ отъ взвода. А главное— удивительно бодрыя, веселыя лица. Нѣкоторыя роты останавливались. Я нѣсколько разъ выходилъ на улицу и разговаривалъ съ солдатами. „Ну, какъ, братцы, здорово утомились?“ „Никакъ нѣтъ, не дюже“. И у всѣхъ одинъ вопросъ: „остановился онъ, или уходитъ“. У всѣхъ одно желаніе, настойчивое, упорное: ударить бы на него, обрушиться всей силой и побѣдить. Обязательно побѣдить. „Его обязательно надо побѣдить,—говорилъ одинъ запасный.—Потому у нѣмца гордость очень вредная. Отъ нея и кровь льется, отъ гордости этой самой“.—„А какъ думаешь, побѣдимъ?—спрашиваю.—„Все отъ Бога, а только нѣмецъ не такъ силенъ, какъ про него разсказывали. Сила то у него машинная“.—„Какъ машинная“?—„Очень просто.—Машина по разсчету работаетъ, винтикъ къ винтику. А чуть какой винтикъ испортился,— глядишь, и вся машина стала“...

II.

Передовая цѣпь оказалась въ критическомъ положеніи: нѣтъ патроновъ, а непріятель насѣдаетъ. Тогда у рядового Майкова созрѣлъ внезапно смѣлый планъ. „Ваше благородіе,—обратился онъ къ подпоручику,—дозвольте намъ съ Иванюкомъ

въ старый окопъ сбѣгать, тамъ на раненыхъ, али на убитыхъ патроны поди остались". Подпоручикъ понималъ, что значитъ „сбѣгать въ старый окопъ": пространство между новой и прежней траншеями было открытое, безъ единаго бугорка или кочки и сплошь обстрѣливалось нѣмцами. Но Майковъ и Иванюкъ не ждали отвѣта, они понимали колебаніе офицера такъ же хорошо, какъ ясно видѣли важность положенія... Они уже вышли изъ окопа... Ползти было почти безцѣльно по гладкой, какъ столъ, мѣстности, да и къ тому же очень долго; и оба солдата, положившись на волю Божію, просто кинулись бѣгомъ, сломя голову, черезъ поле къ темной полосѣ прежнихъ окоповъ... Оставшіеся съ замираніемъ сердца слѣдили за ними. Вдругъ оба солдата исчезли, словно провалились сквозь землю.

Первую минуту показалось, что они убиты или ранены, словомъ, упали, сраженные пулями, но на дѣлѣ было не такъ просто, они достигли уже окопа и спустились въ него. Нѣмцы засыпали пулями все поле, и, когда оба смѣльчака вылѣзли опять изъ стараго окопа, обвѣшанные патронными сумками и съ набитыми карманами, огонь ихъ сталъ еще чаще. Какъ добѣжали они обратно подъ дождемъ пуль, какъ уцѣлѣли они со своей ношею, никто не могъ понять, но всѣ были увѣрены, что ни Иванюкъ, ни Майковъ не ранены; такъ бодро и весело спустились они въ окопъ къ товарищамъ. Но когда Майковъ сталъ снимать съ себя навѣшанныя патронныя сумки, на рубахѣ его замѣтили алое, расплывающееся пятно...—„Ты раненъ, Майковъ?..—спросилъ съ безпокойствомъ офицеръ.—„Не извольте безпокоиться, ваше бла-

городіе, еще когда туда бѣжали, одна нѣмецкая въ плечо тяпнула... безъ этого никакъ невозможно... ишь жарятъ-то какъ!..“ И оба они—и Иванюкъ и раненый Майковъ—остались къ окопѣ съ товарищами, не сознавая своего подвига.

III.

Русскій солдатъ очень добродушенъ. Упорный, строгій въ бою, онъ преображается около костра. Неоднократно приходилось наблюдать, какъ солдаты дѣлились послѣдней щепоткой табаку съ плѣнными австрійцами. Взятый въ плѣнъ—для него уже не врагъ. „На, Вася, говоритъ онъ съ иронической, но вмѣстѣ съ тѣмъ добродушной улыбкой,—покури нашего россійскаго табачку. Небось, давно не курилъ“? Плѣнный недовѣрчиво косится на своего недавняго врага, нерѣшительно беретъ щепотку, а черезъ нѣсколько минутъ между ними уже завязывается разговоръ. Какимъ-то чудомъ они понимаютъ другъ-друга, объясняясь наполовину мимикой, наполовину интонаціей голоса.—„Что, Вася, давно не ѣлъ“?—сочувствующе говоритъ нашъ, а тотъ утвердительно киваетъ головой, догадываясь по сочувственному голосу, о чемъ его спрашиваютъ. Послѣ боя всѣ недавніе враги русскаго солдата—просто „Васи“. Во время боя нашего солдата тоже не покидаетъ его добродушный природный юморъ: „лети, лети“,—приговариваетъ онъ вдогонку пущенному снаряду,—у насъ земли больше будетъ“.

Помню, однажды, разсказываетъ очевидецъ, шли мы почти бѣгомъ на позиціи,—нужно было спѣшить, дѣло было жаркое... Папался намъ по

дорогѣ раненый австріецъ. Еле передвигая кое-какъ забинтованныя ноги, почти падая отъ изнеможенія, онъ вдругъ повернулся къ проходившимъ нашимъ солдатамъ своимъ измученнымъ лицомъ, и, глубоко вздохнувъ, сказалъ по-нѣмецки: „голоденъ, ѣсть"!... Поняли солдаты,—скорѣе по лицу его поняли, какъ онъ голоденъ. Изъ строя вышло нѣсколько человѣкъ. Одинъ поддержалъ раненаго врага, другой поднесъ къ его губамъ свою фляжку, а третій вынулъ изъ кармана сухарь и, отряхнувъ съ него пыль и соринки, сунулъ его въ руку австрійцу. Затѣмъ они бѣгомъ бросились догонять роту. Ничего не сказалъ нѣмецъ. Но, когда я обернулся, то увидѣлъ, что стоитъ онъ безъ шапки, провожая глазами быстро удалявшуюся нашу часть. Уже голова нашего отряда завернула за лѣсокъ, а австріецъ все стоялъ съ непокрытой головой, и губы его что-то шептали, было видно, какъ онѣ двигались.—„Болѣзной народъ,—говорили солдаты,—ажно жалко смотрѣть. Тоже и объ емъ, чай, котора-нибудь мать слезы льетъ"!..

ОГЛАВЛЕНІЕ.

15 к.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1916 годъ.

СЕЛЬСКІЙ ВѢСТНИКЪ

(36-й годъ изданія).

САМАЯ ДЕШЕВАЯ ЕЖЕДНЕВНАЯ НАРОДНАЯ ГАЗЕТА СО МНОГИМИ ПРИЛОЖЕНІЯМИ.

300 №№ газеты. 158 безплатн. приложенія.

За доплату 30 коп. всѣ подписчики „Сельскаго Вѣстника" получатъ:

№№ „БИБЛІОТЕКИ СЕЛЬСКАГО ВѢСТНИКА", содержащіе въ себѣ: **„КАПИТАНСКАЯ ДОЧКА"**—повѣсть **А. С. Пушкина. „ТАРАСЪ БУЛЬБА"**—повѣсть **Н. В. Гоголя. СТИХОТВОРЕНІЯ** народнаго поэта **А. В. Кольцова.**

За доплату 50 коп. получатъ, кромѣ указанн. выше произвед. еще и слѣд.: **„Юрій Милославскій"** историческую повѣсть **М. Н. Загоскина** и извѣстную сказку **П. П. Ершова „Конекъ-Горбунокъ".**

Кромѣ того, всѣ подписчики „Сельскаго Вѣстника" получатъ: **„НАСТОЛЬНУЮ КНИГУ РУССКАГО ЗЕМЛЕДѢЛЬЦА"**, стоющую въ отдѣльн. продажѣ 3 р. 50 к.—**за 1 руб. 50 коп.** и **„ДОМАШНІЙ ЛЕЧЕБНИКЪ"**, составлен. д-ромъ **ОРЛОВЫМЪ**, стоющ. 2 руб.—**за 1 руб. 30 коп.**

Пересылка книгъ за счетъ покупателей. Можно наложенн. платежомъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ **2 р. 40 к.** На полгода **1 р. 30 к.** На 1 мѣс. **30 коп.** Отдѣльный **№ 1 коп.**

Приняты всѣ мѣры къ аккуратной доставкѣ газеты.

Адресъ Редакціи и Главной Конторы „СЕЛЬСКАГО ВѢСТНИКА".
Петроградъ, Мойка, 32.

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ

СОЛДАТСКІЯ СКАЗКИ.

Составилъ Н. Г. КОЗЫРЕВЪ.

Цѣна 15 коп.

СОЛДАТСКІЯ ПѢСНИ.

Составилъ Н. Г. КОЗЫРЕВЪ.

Цѣна 10 коп.

Тип. „Сельск. Вѣстн.", П Г Р.

